

УДК 902.2/902.03

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ¹

Иожица Д. В.

ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: arhi-arhi@mail.ru

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Главные ворота крепости расположены в верховье балки Капу-дере, куда вела средневековая дорога из балки Алмалык-дере, огибающая мыс Тешкли-бурун. В работе комплексно рассмотрены письменные, картографические и художественные источники, в которых изображена крепостная входная башня. Представлены новые результаты полевых работ 2019–2020 гг. С применением современных методов удалось зафиксировать скальные пазы, позволяющие реконструировать не только общие габариты надвратной башни, но и конструкцию ее перекрытия. Сделаны обобщающие выводы о надвратной церкви Мангупа. Впервые публикуется археологическая коллекция Р. Х. Лёпера из раскопок скальных склепов, связанных с храмом.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Таврика, Мангуп, главные крепостные ворота, надвратная церковь, скальные склепы, вима, Ф. И. Гросс, М. Б. Вебель, Р. Х. Лёпер

Историография и источники. Одним из ранних письменных источников, в котором упоминается Главные крепостные ворота Мангупского городища, является поэма иеромонаха Матфея «Рассказ о городе Феодоро...», написанная около 1395 г. В поэме-моноподии говорится о надвратной церкви в их верхнем ярусе [5, с. 294–295, строки 38–40]. Из текста (строки 35–42) следует, что, несмотря на значительные разрушения входного комплекса, иеромонах видел его сохранившимся почти на полную высоту: «...крышу храма на себе несет (город)...» [15, с. 582–583]. На наличие здесь церкви указывает «божественная вима», которую наблюдал экзарх константинопольского патриарха. Отметим, что термин «вима» в византийской литургической традиции обычно обозначает алтарное пространство. В церковной архитектуре под вимой понимается приподнятая над остальным полом площадка в алтарной части храмов. С начала XIX в. так стали называть все алтарное пространство в церкви, начиная со средневизантийского времени [47, р. 326–359; 45, р. 502–503].

На карте Мангупской крепости, составленной российскими топографами в 1780-е гг. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22138), среди отмеченных здесь архитектурных объектов присутствуют Главные крепостные ворота, перекрытые, вероятно,

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119

крестовым сводом¹, а ниже, в правом углу плана, представлен сохранившийся их внешний фасад. Ворота имели арочный проем, сохранившаяся часть которого опиралась на крепостную стену. Обратим внимание на то, что высота стены изображена выше скального выступа Мангупского плато, что очень похоже на описание Матфея (рис. 1) [19, илл. 4; 15, с. 582–583].

Пожалуй, наиболее полное представление о главных воротах городища оставил академик Генрих Карл Эрнст Кёлер, посетивший Мангуп в 1804 и 1821 гг. Во время второго путешествия, впечатления о котором сохранились в его путевом дневнике, описано состояние и внешний вид Главных входных ворот памятника. Из него следует, что конструктивно ворота были сводчатыми и опирались с одной стороны на скальный выступ, а с другой – на крепостную стену; входной проем был один. В дневнике Г. Кёлера есть также упоминания о надписях на стенах укрепления. Он видел греческие имена, иногда с крестами, которые были размещены произвольно, вырезаны небрежно и неотчетливо на некоторых камнях внутренних ворот и принадлежали, по его мнению, воинам [37, с. 438–441]. К сожалению, нет ни одного иллюстративного изображения к этим заметкам.

И. С. Андриевский при посещении Мангупа в 1837 г. отмечал уже разрушенное состояние крепостных ворот, через которые было невозможно пройти, так как их свод обвалился [4, с. 545].

Сохранилось несколько изобразительных источников, дающих общее представление о состоянии Главных крепостных ворот Мангупского городища в XIX в. В коллекции видов Крыма Ф. И. Гросса (1822? – 1897?) есть четыре рисунка крепости для первой половины XIX в. На одном из них представлена частично разрушенная главная крепостная линия Мангупа, на втором – оборонительный комплекс на мысе Тешкли-Бурун, на остальных – интересующие нас Главные ворота (рис. 2–4).

На одной из работ Ф. И. Гросса входной комплекс запечатлен с внутренней стороны городища (рис. 3). Справа изображены скальные склепы и скальная полка перед ними с лестницей. Ниже фиксируется большое скальное помещение, перед которым видны ступени, не сохранившиеся в настоящее время. На дальнем плане, сверху, за скальными склепами, изображена северо-западная куртина цитадели на мысе Тешкли-бурун. Еще дальше просматриваются контуры пещерных сооружений в западном обрыве мыса. Естественный грот впереди воротного комплекса представлен художником очень живописно, без масштаба и деталей. Слева на литографии зафиксирован фрагмент стены с невысоким узким и глухим арочным проемом. Отметим, что по обе стороны от этого проема сохранились фрагменты, вероятно, от внутренней кладки рухнувшей части стены. Внизу изображен, по всей видимости, их цоколь. Предположительно, эта стена является изображением современного укрепления А.XVI Главной (Внешней) линии обороны Мангупа, высота которого на момент посещения городища Ф. И. Гроссом достигала уровня

¹ Крестовым называется свод, образованный пересечением под прямым углом двух цилиндрических сводов [25, с. 164–228].

скальной полки перед входом в скальные склепы. Обратим внимание на завершение входных проемов в склепы. Художник здесь явно фантазирует и придает им вид килевидных стрельчатых арок. Лишь вход в первый склеп прямоугольной формы. Очевидно, он сохранился полностью на момент создания литографии.

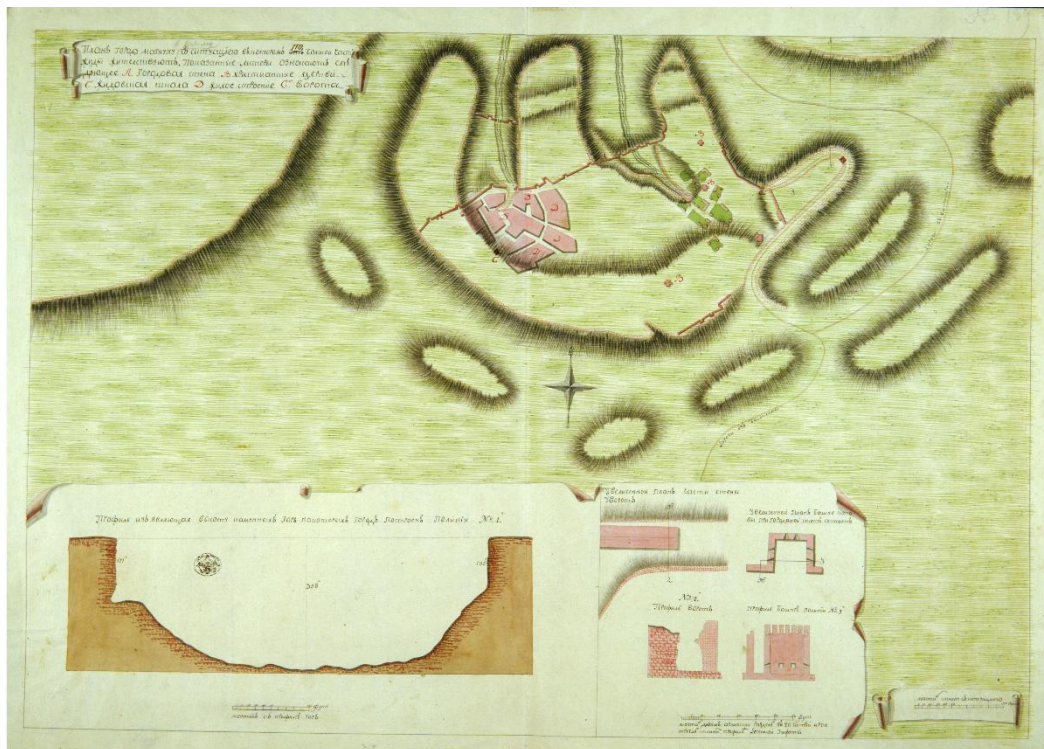

Рис. 1. «План городу Мангуну, в котором от большей части жиды живут» (1780-е гг.) (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22138) [по: 19, илл. 4].

Вторая литография Ф. И. Гросса содержит изображение входного комплекса с запада, то есть снаружи, со стороны подъемной дороги (рис. 4). Справа на ней видна Главная линия обороны крепости, точнее, укрепление А.XV с прямоугольной башней А-8 на заднем плане [14, рис. 1, 2, 19]. На переднем плане остатки стены укрепления А.XVI, сохранявшейся на полную высоту. Обратим внимание на арочный глухой проем. Он запечатлен гораздо выше, нежели на предыдущей литографии. Отчетливо видно, что арка продолжается в глубину, что конструктивно дает основание предполагать наличие здесь сводчатого перекрытия. Слева на переднем плане в гроте изображена фигура человека, размеры которой позволяют оценить масштабность укреплений городища. За скальным выступом сверху видны четыре входных проема в скальные склепы. Как видим, несмотря на то, что обе

литографии обычно идентифицируются с одним художником, Ф. И. Гроссом [32, с. 220–221], они между собой существенно отличаются.

Еще одно изображение Главных крепостных ворот Мангупа принадлежит М. Б. Вебелю, русскому художнику, сопровождавшему графа А. С. Уварова во время его поездок в Крым с целью исследования местных древностей [41, с. 166–167]. По итогам первой экспедиции, состоявшейся летом 1848 г., в архив организовавшего ее Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества был передан перечень выполненных планов и рисунков памятников на юге России, в том числе христианских древностей на вершине и склонах Мангупского плато. Среди рисунков есть изображение Главных ворот крепости вместе с расположенными вблизи них скальными склепами–усыпальницами (рис. 5) [32; 19, илл.7]. На нем слева видны фрагменты стены укрепления А.XVI и две отдельно стоящие колонны, между которыми небольшие каменные завалы. Обратим внимание, что высота стены и колонн одинакова и доходит до уровня поверхности Мангупского плато, что совпадает в целом с описанием комплекса иеромонахом Матфеем. Разрушение стены, при котором колонны могли остаться фактически целыми, на всю их высоту, возможно лишь при условии, что они выступали из общих габаритов стены и конструктивно являлись ее пилонами. По всей вероятности, эти пилоны от воротного проема, который был многоуровневым. Наличие пилонов указывает на то, что перекрытие их было сводчатым, нагрузка от которого равномерно распределялась на четыре опоры, что позволяло избежать деформации входной башни в случае разрушения [26, с. 164–228].

Рассматриваемый рисунок М. Б. Вебеля, между тем, содержит и ряд перспективных искажений и неточностей. На это указывает соотношение размеров изображенных фигур людей и остатков укрепления А.XVI, которое визуально создает неправдоподобную массивность стен. На дальнем плане мыс Тешкли-бурун также излишне развернут влево. Справа видно гораздо большее, чем в действительности, количество скальных склепов, расположенных значительно выше уровня пешей тропы, нежели это на самом деле. Также преувеличена толщина стены Мангупской цитадели, как, впрочем, и всех стен на рисунке. Каменные блоки пилонов неправдоподобно соразмерны человеческим фигурам, в то время как блоки цитадели еле видны. Вызывает сомнение масштаб каменного развала укрепления, в котором присутствуют огромные скальные глыбы.

В книге английского публициста Роберта Сириса опубликована в 1881 г. гравюра с еще одним изображением остатков крепостных ворот Мангупа (рис. 6,1) [46]. Отметим, что он сам никогда не был в Крыму и для своей книги использовал уже опубликованные материалы. Рисунки, сопровождавшие текст, были копиями работ, выполненными по образцам английским художником Уильямом Робертсом. В случае с изображением Мангупских ворот речь идет о копии с одной из изданных литографий Ф. И. Гросса. Еще одну копию с той же литографии, но уже выполненной в технике акварели, во второй половине XIX в. опубликовал в своем альбоме «Виды и типы Крыма» А. И. Шарлемань [42] (рис. 6,2).

1
2

Рис. 2. Ф.И. Гросс. 1. – Тешекли-бурун. Мангун-Кале; 2 – Мангун-Кале [по: 32, с. 161].

Рис. 3. Ф. И. Гросс. Тешекли-бурун. Мангуп-Кале [по: 32, с. 163].

Рис. 4. Ф. И. Гросс. Мангун-Кале [по: 32, с. 167].

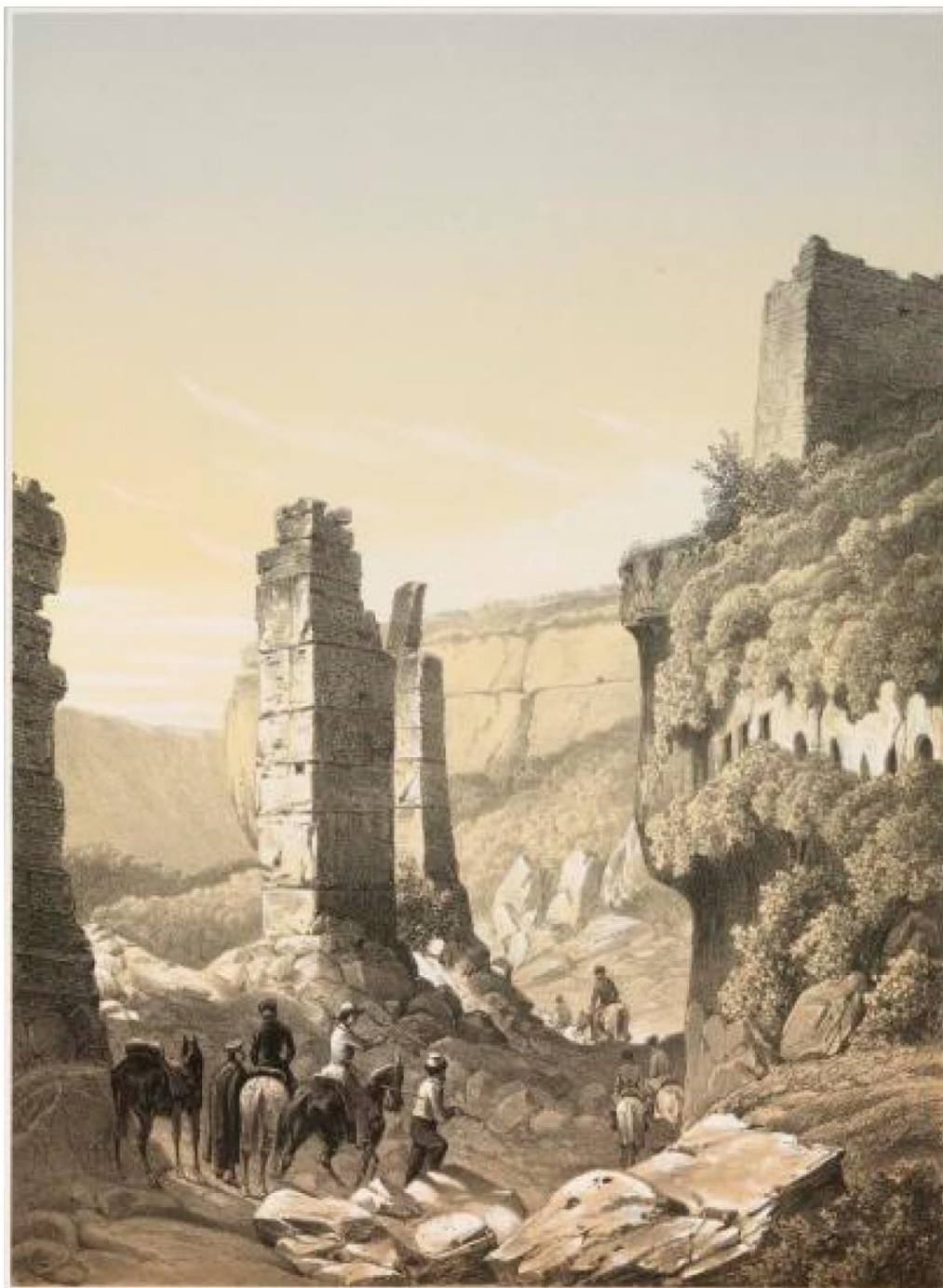

Рис. 5. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере [по: 19, илл. 7].

В 1867 г. Императорское Московское археологическое общество направило Д. М. Струкова в Крым для изучения сохранившихся памятников церковного искусства. Художником в процессе археологических изысканий в период 1867–1892 гг. было сделано большое количество натуральных акварельных рисунков. В его архиве среди работ с изображением Мангупского «дворца», на самом деле, цитадели на мысе Тешкли-бурун, сохранились четыре фотографии с видами бывшей резиденции мангупских князей [37, с. 81]. На одной из них представлен общий вид входного комплекса крепости со стороны плато (рис. 7) [21, с. 216]. Эта фотография, вероятно, уже позже, по возвращению из Крыма, была переведена Д. М. Струковым в акварельный рисунок. Надо отметить, что на фотографии четко видны тонкие прямые линии, образующие квадратную сетку, что указывает на ясное намерение автора сделать точную копию этого вида в технике акварели. На акварельном рисунке, как и на фото, слева изображены руины укрепления Главной линии обороны Мангупа, справа – фрагмент стены Мангупской цитадели, под ней – три входных проема скальных склепов.

На фотографии, сделанной Д. М. Струковым, также видна поперечная стена (или ее каменный развал?) между укреплением А.XVI и скальным выступом мыса Тешкли-бурун. Надо полагать, что речь идет об остатках входного комплекса крепости. Максимальная высота этой стены слева на фотографии, на месте стыка со стеной укрепления А.XVI, соответствует уровню поверхности скальной полки перед склепами. Однако, на акварельном рисунке, задуманном в качестве копии фотографии, есть все-таки отличия: схематично передана порядовка кладок всех стен, идеализирован передний видовой план, совершенно искажено направление скального выступа мыса, появляется еле заметная фигура человека вблизи входного комплекса (рис. 7,2). Последний прием довольно часто использовался Д. М. Струковым в своих работах, очевидно, для более четкого представления о размерах зданий и сооружений [37, с. 80]. Отметим также, что пропорциональное соотношение размеров укрепления А.XVI и фигуры человека на рисунке очень близко к пропорциям в работе М. Б. Вебеля.

Еще одним отличием между содержанием фотографии и акварельного рисунка Д. М. Струкова является наличие в центре последнего изображения черного креста в круге с надписью: «Храм. Л.12»¹. Шифр обозначает номер листа в акварельном альбоме художника, на котором, вероятно, изображен этот храм. Как считает Н. В. Днепровский, на листе отмечено местоположение неизвестного пещерного храма городища [21, с. 217–218; 22, с. 150–152], но это мнение, кажется, ошибочным [17, с. 158–175]. С осторожностью можно предположить, что Д. М. Струков крестом хотел отметить надвратную церковь Главных ворот крепости.

Новый этап изучения входного комплекса Мангупского городища связан с началом археологических исследований памятника. В 1913 г. директором

¹ Белый крест на опубликованной фотографии из архива Д. М. Струкова был нанесен самостоятельно Н. В. Днепровским.

Херсонесского музея Р. Х. Лёпером были раскопаны скальные склепы-усыпальницы вблизи Главных ворот крепости (рис. 8)¹. При их изучении отмечена «ограбленность» и «потревоженность» погребений и небольшое количество обнаруженного погребального инвентаря [27, с. 299; 28, с. 83]. Обратим внимание, что на момент исследований Р. Х. Лёпер уже знал о пилоне ворот по дороге к цитадели из балки Капу-дере, над которыми были расположены скальные склепы, и отметил его крестом на фотографии [27, рис. 123]. В научно-архивном отделе ФБГУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» сохранились видовые фотографии входного комплекса. Первая фотография фактически идентична фотоснимку Д. М. Струкова, за исключением стены воротного проема, которая слабо просматривается в зарослях на месте примыкания к укреплению А.XVI (рис. 9,1)². Вторая фотография сделана с места скальной площадки перед пещерным комплексом «Барабан-коба» (Северо-Восточный пещерный монастырь) и фиксирует внешний вид Главных ворот крепости. На ней видны укрепление А.XVI, пилон и каменный развал стены входной башни (рис. 9,2)³. Третья фотография выполнена, вероятно, с площадки около церкви св. Георгия. На ней хорошо просматриваются шесть скальных склепов и входной пилон (рис. 10,1)⁴ [30, №8, 9, 19]. Аналогичный фотоснимок хранится в фондах Бахчисарайского музея-заповедника (рис. 10,2)⁵.

В фондах ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» сохранились чертежи А. Л. Бертъе-Делагарда, в том числе посвященные памятникам Мангупского городища⁶. На листе №38 (КП–23055. Д–8770) представлен план воротного комплекса, состоящий из склепов и крепостной стены. Ниже под ним приведены разрез и реконструкция автора, на которой объединены один из скальных склепов и укрепление А.XVI. А. Л. Бертъе-Делагард предполагал одноуровневую входную башню с боевой площадкой, завершавшейся зубцами. Обратим внимание на то, что при реконструкции входного комплекса уровень боевой площадки расположен на одном уровне со склепом. Вероятно, исследователь считал, что функционально внутреннее пространство склепов предназначались для пребывания в них солдат гарнизона. О надвратной церкви автор ничего не сообщает [6, с. 188–191]. Тем не менее, А. Л. Бертъе-Делагард впервые среди исследователей Мангупа объединил скальные склепы и Главные ворота крепости в единый оборонительный и культовый комплекс (рис. 11).

При изучении Главных ворот крепости Е. В. Веймарн и А. Л. Якобсон основное внимание уделили укреплению А.XVI, дискутируя между собой в отношении даты его возведения [8, с. 419–420; 43, с. 58–59]. А. Л. Якобсон отмечал, что пилон ворот

¹ НАО ГИАМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 1766, 3821. Выражаю признательность заведующей научно-архивного отдела ФБГУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Т. А. Прохоровой.

² НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. Фото № 8.

³ НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. Фото № 9.

⁴ НАО ГИАМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 2275.

⁵ КП 4825-1419.

⁶ Выражаю благодарность главному хранителю фондов ГБУ РК «Центральный музей Тавриды» Н. Б. Майко за помощь в работе с ними.

выделялся в стене укрепления, за счет более поздней его обкладки из бутового камня, уже частично отвалившегося. По его мнению, пилон существовал на протяжении нескольких строительных периодов в истории памятника [43, с. 59]. В личном фонде Е. В. Веймарна сохранился фотоснимок входного комплекса, сделанный им в 1950-е гг. (рис. 12,1). Его ракурс фактически аналогичен фотографии Д. М. Струкова, обращает внимание лишь худшая сохранность по высоте пилона и появления вокруг него обильных зарослей [7]. В 1973 г. в ходе археологических исследований под руководством Е. В. Веймарна впервые были сделаны архитектурные обмеры склепов-усыпальниц, расположенных вблизи ворот крепости (рис. 12,2) [35, с. 33, рис. 40].

Рис. 6. Главные крепостные ворота Мангупского городища. 1. – Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере [по: 47]; 2. – То же [по: 42].

Следующий этап археологического изучения Главных ворот Мангупской крепости относится к 1977 – 1979 гг., когда ими занимался А. Г. Герцен. Большая часть результатов этих работ позднее вошла в его монографию [14, с. 87–169, 242–271]. В ходе исследований было установлено конструктивное решение укрепления А.ХVI и составлена карта его растворов, которая подтверждает длительное функционирование комплекса. Также выявлены остатки трех амбразур в стене, а на скальном выходе основания мыса Тешкли-бурун – следы каменной кладки высотой в один ряд и общей длиной до 2,10 м. Последнее наблюдение дало основание А. Г. Герцену предположить здесь наличие арочного перекрытия входа ворот (рис. 13). По его мнению, первоначальная длина воротной арки составляла 2,40 м,

она конструктивно опиралась с одной стороны на пилон, с другой – на скальное основание мыса. Пролет арки составлял 3,8 м, полезная ширина проезда 2,60 м. Входная башня имела арочный проем, но, по сути, речь идет о конструкции ворот из двух арок, над одной из которых позднее была создана боевая площадка (рис. 14) [14, с. 121–123].

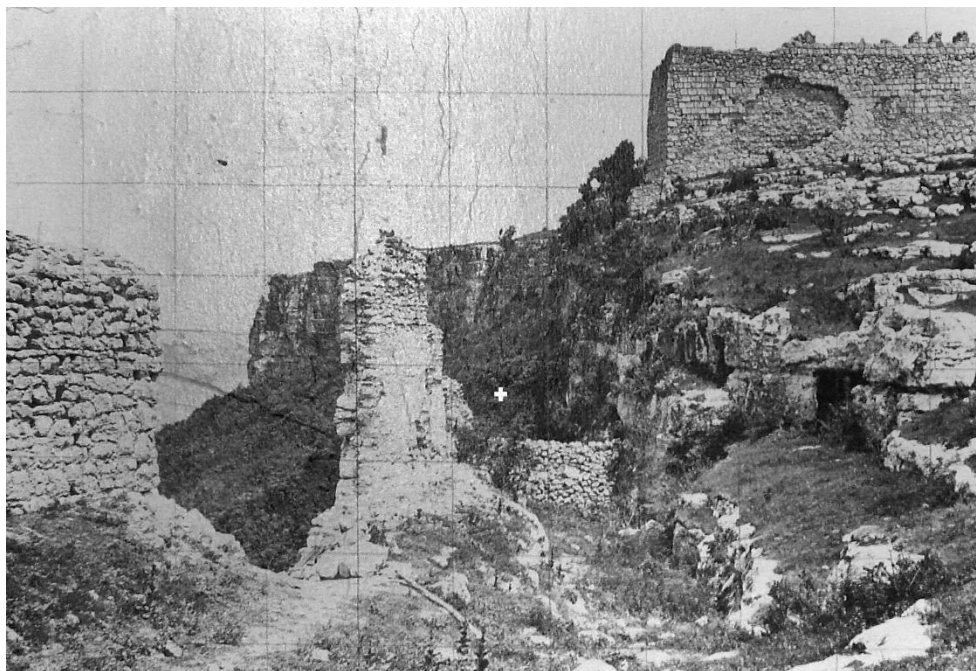
Отметим, что А. Г. Герценым в ходе исследований было выдвинута гипотеза о наличии еще одного фортификационного элемента обороны Главных крепостных ворот Мангупа – барбакана. Первое упоминание о нем присутствует еще в полевом дневнике автора раскопок за 1972 г. В нем говорится, что барбакан, как и должно быть, располагался впереди воротного проема на расстоянии около 60 м. Его внешняя (северная) стена спланирована параллельно подъездной дороге. Однако, пристраивалась ли она к воротной башне, являясь продолжением стены укрепления А.XVI, или нет, без дополнительных раскопок сказать трудно [16, л. 12; 14, с. 121]. Еще одна важная проблема в этой связи – дата сооружения барбакана, которую также невозможно решить без новых исследований.

Позднее, в совместной с Ю. М. Могаричевым статье, многолетний руководитель археологических исследований Мангупского городища предположил, что открытые вблизи воротного комплекса скальные склепы-усыпальницы появились еще в период раннего средневековья и являлись, таким образом, одним из участков раннего некрополя на территории крепости [18, с. 236–238].

В ряде работ, вышедших в 2000-е гг., А. Г. Герценым была выдвинута еще одна гипотеза в отношении интерпретации комплекса сооружений Главных ворот Мангупа. Реконструируя маршрут иеромонаха Матфея по территории городища, он предположил наличие здесь надвратной церкви, образно описанной путешественником [13, с. 264–265; 15, с. 562–567]. С этой гипотезой полностью согласился А. Ю. Виноградов [9, с. 174–192; 8, с. 249–271]. В 2017 г. в коллективной монографии, посвященной археологическому и антропологическому изучению материалов раскопок храмово-погребальных комплексов городища, объект исследования был впервые назван как надвратная церковь со скальными усыпальницами в верховьях балки Капу-дере [19, с. 47].

Подытоживая наш историографический обзор, посвященный истории изучения Главных крепостных ворот Мангупского городища и имеющейся источниковой базы, необходимо подчеркнуть множество оставшихся не решенными научных проблем. В связи с этим, в 2019 – 2020 гг. была предпринята новая попытка комплексного изучения памятника. Эти исследования, проводившиеся под общим руководством В. Е. Науменко, включали полную расчистку всех сооружений археологического объекта, их графическую и фотофиксацию, подробное архитектурное описание. В настоящей работе представлены их основные результаты¹.

¹ Выражаю признательность В. Е. Науменко и А. Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В. И. Вернадского, за возможность самостоятельной публикации результатов исследований. Также необходимо поблагодарить Ю. П. Зайцева и И. И. Шкрибляк за создание рабочей 3-D модели памятника в 2019 г.

1

2

Рис. 7. Главные крепостные ворота Мангупского городища. 1. – Фото Д. М. Струкова; 2. – акварельный рисунок [по: 21, рис. 1].

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

Рис. 8. Группа скальных склепов в Капу-дере. Раскопки Р. Х. Лёпера в 1913–1914 гг. [НАО ГИАМЗ ХТ. 1. – Инв. 1766; 2. – Инв. 3821].

Рис. 9. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере. 1. – Вид с городища [НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. фото №8]; 2. – Вид с мыса Тешли-бурун [НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. фото №9].

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

Рис. 10. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере. 1. – Вид с плато [НАО ГМЗ ХТ. Фотофонд. Инв. 2275]; 2. – [Фотофонд БИКАМ КП 4825-1419].

Топография. Главные крепостные ворота Мангупа расположены в верховьях балки Капу-дере. На протяжении всей истории крепости из Адым-Чокраской долины, огибая мыс Тешкли-бурун, здесь проходила основная средневековая дорога на территорию Мангупского плато.

Участок исследования 2019 – 2020 гг. представлял собой вытянутый по оси северо-восток – юго-запад природный кулуар прямоугольной формы, ограниченный с юга естественными скальными обрывами мыса Тешкли-бурун с почти вертикальным профилем, в котором вырублены скальные склепы-усыпальницы, площадка перед ними и ниже так называемое скальное помещение А. С севера его границей являлась трасса оборонительной стены укрепления А.XVI, в которой сейчас слабо фиксируется один из пилонов воротного комплекса. К сожалению, на сегодняшний день, практически нет возможности произвести даже частичную расчистку барбакана. Поэтому за несколько условную восточную границу участка исследований принято местоположение самых удаленных скальных подрубок в скальном выступе мыса Тешкли-бурун. В западном направлении рельеф местности меняется. Здесь, со стороны Мангупского плато, фиксируется хорошо выраженная скальная ступень общими размерами 4,00×20,00 м и высотой от уровня современной дневной поверхности до 2,0 м. В ее пределах выявлены еще два скальных помещения Б и В, в значительной степени, затянутае грунтом. Выше над ними, фактически у края обрыва плато, начинается обширный христианский некрополь городища XIII – XIV вв.

В ходе исследований было установлено, что в состав комплекса сооружений Главных ворот крепости входили следующие объекты: собственно, входные ворота; скальные склепы-усыпальницы (№№ 1–6) с площадкой перед ними; скальные помещения А, Б, В; реконструируемая надвратная церковь комплекса (рис. 18, 25). Перейдем к описанию результатов их исследований.

Входные ворота. По сути, от них сейчас сохранились лишь примыкавший к воротам участок стены укрепления А.XVI и ряд конструктивно важных скальных подрубок на противоположном выступе мыса Тешкли-бурун.

Участок интересующей нас *крепостной стены* имеет протяженность около 8,0 м, ширину до 2,0 м и высоту от 3,30 до 5,20 м. В стене еще просматривается фрагмент выступающего пилон от арочного проема ворот. Традиционно данный участок укрепления А.XVI рассматривается в историографии в качестве классического примера оборонительных стен Мангупа, возведенных в середине VI в. (рис. 15,1). Стена сложена из прямоугольных, хорошо обработанных инструментом типа зубатка, каменных блоков, местами в технике кладки *opus mixtum* («тычком и ложком»). Эта техника хорошо видна на примере трех верхних рядов кладки общей высотой до 1,5 м. Ниже ряды внешнего панциря выступают наружу на 0,20 м и сложены из крупных блоков, местами пристроенных к скальным глыбам. Это указывает на то, что ширина цокольного яруса, вероятно, была больше, чем основной габарит стены. Важно отметить, что между блоками верхнего яруса крепостной стены фиксируется известковый связующий раствор цемяночного типа. Основой для возведения ее цокольного яруса является

срубленная поверхность материковой скалы. Ширина такой площадки в пределах 1,0 – 1,5 м. (рис. 16,1).

Порядовка внутреннего панциря стены укрепления А.XVI нарушена многочисленными перестройками и современными вывалами кладки (рис. 15,2). В северной его части сохранились фрагменты пилона с реконструируемыми размерами в пределах 1,7×1,8 м и максимальной высотой до 5,0 м. Вероятно, он изначально также был облицован крупными блоками с хорошо обработанной поверхностью, однако, в настоящее время *in situ* сохранился лишь небольшой такой участок в нижней части, высотой около 2,0 м. (рис. 16,2)

На противоположном от укрепления А.XVI выступе мыса Тешкли-бурун сохранились скальная постель-основание воротного проема, а также вырубленные склепы-усыпальницы и скальная площадка перед ними (рис 17,1).

Скальная постель имеет трехступенчатый профиль и использовалась, очевидно, в качестве основания для перекрытия воротного проезда. Ширина ее ступенек в пределах 0,30 – 0,35 м, высота 0,15 и 1,40 м. Общая длина постели составляет 15,50 м. С севера она завершается подпрямоугольной в плане подрубкой (размеры 0,93×0,8×0,33 м) предназначавшейся, вероятно, для установки пяты арки входного проема (рис. 17,2). Отметим, что эта подрубка вырублена не в оси с пилоном укрепления А.XVI и является фактически восточной границей реконструируемой башни ворот.

Над скальной постелью фиксируются группа склепов со скальной полкой перед ними. С запада полка завершается лестничным маршем, ведущим на скальную ступень-площадку перед помещениями В и Б.

Скальная полка перед склепами представляет собой искусственно вырубленную ступень, полные размеры которой сохранились лишь у склепа №1. Здесь она имеет ширину до 1,70 м, общую длину около 9,0 м и удобна для перемещения. В восточном направлении полка постепенно сужается, в том числе за счет описанной выше скальной постели от основания воротного комплекса. Если напротив склепов №2 и №3 ширина полки составляет 1,0 м, то напротив склепов №№4 и 5 – уже, соответственно, 0,50 и 0,30 м; напротив, же склепа №6 скальная полка полностью отсутствует. С запада вход на скальную полку-площадку вдоль склепов оформлен в виде лестничного марша шириной около 1,0 м, от которого сохранились лишь две верхних ступени с проступью 0,20 м и высотой 0,30 м. Нижняя часть лестницы сейчас обрушена. Среди других конструктивных скальных подрубок на полке отметим две вырубki прямоугольной формы под деревянные столбы (?) со стороны в пределах 0,10 – 0,20 м и глубиной до 0,20 м.

Группа склепов-усыпальниц состоит из шести скальных помещений. Они объединены плохо сохранившейся скальной полкой, уж описанной. Нумерации склепов идет в направлении запада на восток.

Склеп №1 (рис. 19; 22, 1). Подквадратный в плане с сильно сглаженными углами, общими размерами 2,90×3,00 м. Профиль сооружения бочкообразный с плоским потолком, высотой в пределах 1,82 – 2,5 м. Вблизи южного фаса в полу фиксируется скальная могила-костница. Она имеет подпрямоугольную форму,

общие размеры 2,0×0,9 м, глубину до 0,90 м. По внешнему периметру прослеживаются остатки заплечиков для плит перекрытия. Профиль гробницы близкий к прямоугольнику. Борта ее в целом почти вертикальные, дно хорошо выровнено, на стенах сохранились следы обработки инструментом типа долото. При сооружении гробницы склеп был незначительно расширен в южном направлении, что повлекло к частичному разрушению южного аркосолия, вырубленного в его стене. В полу, у восточного фаса, фиксируются две подквадратные в сечении подрубки, вероятно, более позднего происхождения.

Восточный фас склепа подквадратной формы, его размеры 2,8×1,80 м. На его поверхности сохранились следы обработки инструментом типа долото. Сверху, под потолком, имеется небольшое сквозное овальное отверстие размерами 6,0×18,0 см неясного назначения. *Южный фас* склепа прямоугольной формы со сглаженными углами. Здесь сохранились следы аркосолия на уровне современного пола. Он прямоугольный в плане, общие размеры 2,25×0,80×0,65 м. Профиль южного фаса склепа подпрямоугольный, с выраженным переходом между стенами и потолком. На стене фиксируются следы от инструмента типа кирка. *Западный фас* склепа подквадратной формы, размеры 1,8×2,95 м. Почти по центру, выше уровня современного пола на 0,2 м, вырублен второй аркосолий. Он овальный в плане, имеет размеры 1,80×0,6×0,6 м. Полка, отгораживающая внутреннее пространство аркосолия, вероятно, не сохранилась. Профиль конхиальный, сохранился полностью лишь в северной части. Внизу, под южным краем аркосолия, на месте непосредственного стыка западного фаса с современным полом склепа, фиксируются две квадратные в сечении подрубки, вероятно, более позднего происхождения. Они аналогичны пазам на восточном фаса склепа. Функционально, вероятно, их можно интерпретировать в качестве пазов для более позднего перекрытия пола. Наконец, *северный фас* склепа имеет подквадратную форму, размеры 1,90×2,90 м. В нем хорошо сохранились три проема. Один дверной, прямоугольной формы, размерами 0,90×1,60 м. В нем прослеживаются следы от двух различных дверных конструкций. От первой, по обе стороны внутри откосов, сохранились вертикальные пазы от деревянной рамы, на которую крепилось дверное полотно. От второй конструкции сохранились следы в потолке и полу в виде прямоугольных пазов. Ниже на 0,80 м от верха этого дверного проема с двух сторон имеются скальные вывалы, изображенные еще на одной из гравюр Ф. И. Гросса. Видимо именно это разрушение и стало причиной появления нового конструктивного решения дверного проема. Внутри склепа сохранилась скальная ступень подквадратной формы. Ее общие размеры 0,25×0,35 м, высота 0,20 м.

Оконные проемы в склепе (северный фас) различны. Один из них расположен на 0,35 м ниже уровня потолка, в профиле и плане сложно профилированный. Изнутри окно имеет размеры 0,20×0,25 м, которые резко увеличиваются снаружи до 0,50×0,45 м. Общая глубина вырубки под окно составляет 0,20 м.

Отметим, что наличие напольных пазов у западной и восточной стен склепа, следы срубленности южного аркосолия и лишь местами сохранившийся первоначальный скальный пол, по высоте соответствующий уровню входной

**ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ**

скальной ступени, указывает на несколько периодов его функционирования. От раннего периода, вероятно, сохранились два аркосолия, вырубленного в южной и западной стенах, а также отдельные участки пола, главным образом, вдоль северной, южной и восточной стен склепа. Второй строительный период связан с сооружением в южной части гробницы-костницы, в результате чего склеп был незначительно расширен в южном направлении, что повлекло к частичному разрушению южного аркосолия. На наш взгляд, последний не функционировал после этой перестройки. Третий этап использования склепа отмечен появлением здесь более поздних подрубок хозяйственного назначения в полу и на стенах.

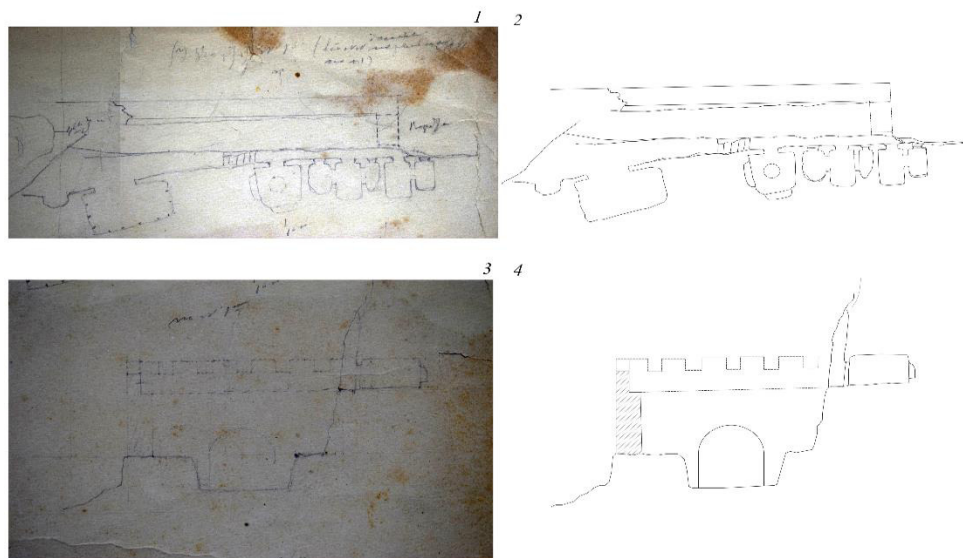

Рис. 11. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере. 1, 3. – Фрагменты чертежей из архива А. Л. Бертье-Делагарда (Мангут), лист 38. [ЦМТ КП-23055 Д8770], 2,4 – прорисовка Д. В. Иожицы.

Склеп №2 (рис. 20, 1–3; 22). Прямоугольный в плане с сильно сглаженными углами. Общие размеры 2,20×1,30 м, высота до 1,75 м. Потолок и пол хорошо выровнены. Профиль склепа подпрямоугольный, с плавным переходом между потолком и стенами. Стены, потолок и пол в целом сохранили первоначальный облик, следов перестроек нет. Характер обработки стен инструментами типа кирка и долото, местами они тщательно заглажены. В западной стене фиксируется общий вывал в склеп №1. Здесь же, у потолка, находится овальное сквозное отверстие позднего происхождения. В восточной стене в настоящее время также есть значительный пролом общим размерами 1,40×1,40 м с хорошо обработанным краями. Фактически после такой обработки этот пролом соединил между собой склепы №№ 2 и 3. В северном фасе склепа был вырублен дверной проем с арочным

завершением и размерами 0,90×1,0 м. По всему его периметру видны следы от деревянной (?) конструкции в виде пазов шириной 0,06 – 0,10 м. К западу от дверного проема на внешнем фасаде расположена еще одна скальная ниша овальной формы диаметром около 0,50 м и глубиной 0,25 м. Она также изображена на одной из литографий Ф. И. Гросса 1840–х г.

Склеп №3 (рис. 21, 2; 22). Прямоугольный в плане, общими размерами 2,50×1,40 м и высотой 1,50 – 1,70 м. Поперечный профиль помещения усечено–конический, продольный – подпрямоугольный, с явным понижением в южном направлении. Потолок и пол хорошо выравнены с плавным переходом к вертикальным стенам. Стены, потолок и пол сохранили характер первоначальной обработки инструментом типа кирка, без следов заглаживания. Как и склепы №1 и 2, склеп №3 использовался исключительно в качестве погребального сооружения. В южной части фиксируются прямоугольные подрубки, которые, вероятно, использовались в более позднее время под деревянные конструкции. Важно отметить, что, как и в случае со склепом №2, склеп №3 был соединен со склепом №4 обширным проломом с обработанными краями. Размеры пролома овальной формы составляют 1,10×1,10 м. Северный фас склепа имеет следы дверного проема с арочным завершением и размерами около 1,50×1,0 м. По периметру дверного проема сохранились заплечики под деревянную конструкцию. Пол склепа относительно уровня внешней скальной площадки ниже на глубину до 0,30 м.

Склеп №4 (рис. 21, 1–2; 22). В плане подовальной формы, размерами по полу 1,40×0,70 м и высотой 1,70 м. Его особенностью является конхиальный профиль и отсутствие четких границ при переходе между стенами и потолком. Поверхность стен, пола и потолка обработана инструментами типа кирка, ударами слева направо и вертикально сверху вниз. С предыдущим склепом связан проломом размерами 1,10×1,10 м. В восточной стене фиксируется вывал неправильной формы в склеп №5. На северном фасаде вырублен дверной проем с арочным завершением и размерами 1,20×0,80 м. Следы от деревянной конструкции не прослеживаются, но предполагаются. На месте примыкания к скальной полке сохранились две подрубки под деревянные столбовые (?) конструкции неясного назначения.

Склеп №5 (рис. 21, 3–4; 22). Подпрямоугольной формы с сильно сглаженными углами с юга. Общие размеры 1,90×1,10 м, высота 1,50 м. Особенность этого склепа является отсутствие четких граней между полом, стенами и потолком. Продольный профиль конхиальный. Стены и пол обработаны инструментами типа кирка и долото. Обращает внимание специфичный характер обработки западной стены склепа. Здесь удары киркой наносились крест на крест, что не характерно для обработки склепов №№ 1–4. Такой же характер обработки (крест на крест) виден и на западной стене склепа. С соседними склепами склеп №5 соединяется небольшими проломами. Основной и единственный вход в склеп находится с севера. Он оформлен в виде проема с арочным завершением, по периметру которого слабо прослеживаются заплечики под деревянную конструкцию шириной до 0,06 м. Пол склепа ниже уровня дверного проема на глубину 0,40 – 0,45 м.

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

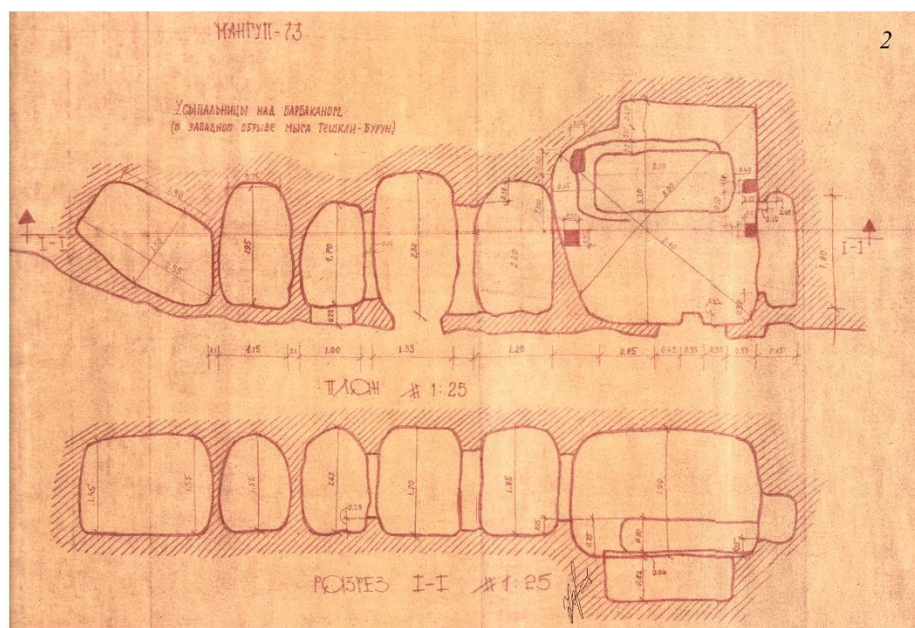

Рис. 12. Крепостные ворота и скальные склепы в Капу-дере. 1. – Вид с плато [по: 7, лист 21.]; 2. – План скальных склепов-усыпальниц 1973 г. [по: 8].

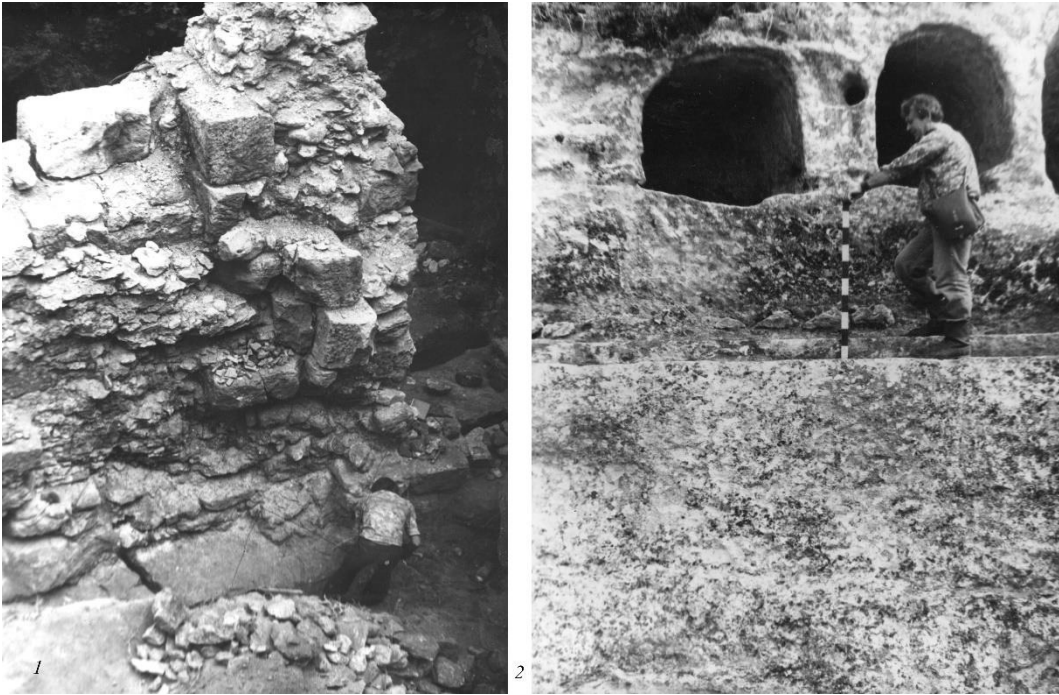

Рис. 13. Главные крепостные ворота Мангунского городища. 1. – Раскопки внутренней стороны пилона ворот, 1977 г., 2. – Фрагмент кладки свода ворот и вырубку под него.

Склеп №6 (рис. 21, 5–6, 22) Ладьевидной формы, общими размерами 2,50×1,40 м и высотой около 1,60 м. Отметим нестандартную ориентацию склепа. Если предыдущие склепы №№ 1–5 были ориентированы по оси север-юг, то склеп №6 – по оси запад-восток. Как нам представляется, это не связано с его хронологией. Пол склепа хорошо выровненный. Стены в целом вертикальные, с хорошо выраженными переходами к полу и потолку. Потолок несколько понижен к востоку. Очевидно, что склеп использовался как погребальное сооружение. Входное отверстие в него имеет выраженный арочный свод. Сохранились следы ступенчатых заплечиков для установки дверной конструкции шириной до 0,10 м.

Обратим внимание еще на одну архитектурную особенность группы скальных склепов. Первоначально общий фасада их включал один дверной проем (склеп №1) и пять арочных окон-проемов (склепы №№ 2–6). Функционально, это объясняется, возможно, тем, что склеп №1 использовался для проведения церковной литургии, а остальные – как обычные гробницы-костницы. На втором этапе происходит, вероятно, разрушение скальных простенок склепов. Причем вывал стены между склепами №№ 2 и 3 был настолько велик, что они были объединены, и тогда же появился дверной проем в склепе №3. На этом же этапе, предположительно,

происходят перепланировка склепа № 1, в результате чего вырубается гробница–костница в его полу и разрушается южный аркосолий.

Помещение А (рис. 18; 24). Расположено в нижнем ярусе северного обрыва мыса Тешкли-бурун, непосредственно под склепом №1 и почти в уровень поверхности современной грунтовой дороги. Помещение сейчас сильно обрушено, в частности, обвален его входной карниз. От первоначального помещения сохранилась лишь внутренняя часть, контуры которой прослеживаются благодаря характеру обработки поверхности. Можно предположить, что изначально оно имело общие размеры 3,0×1,0 м и конхиальный профиль с небольшим плоским потолком, без четких граней у стен. Пол сохранился частично. Возможно, он изначально был на 0,50–0,80 м выше современной поверхности. Обработки стен помещения производилась инструментом типа кирка. Линии от ударов с шагом не менее 0,10 м, которые наносились сверху вниз в разных направлениях, местами пересекают друг друга. В западной части помещения видны остатки от нескольких скальных подрубок, есть также изображение равноконечного креста. Однако, все они не связаны с первоначальным назначением памятника. Отметим, что помещение А присутствует на одной из литографий Ф. И. Гросса.

Как уже говорилось, помещения Б и В расположены к западу от группы слепов–усыпальниц. К ним примыкает широкая скальная полка–площадка шириной не менее 4,00 м. Здесь же находится скальная лестница, возможно, более позднего происхождения. Рельеф площадки, на сегодняшний день, до конца не ясен, так как она затянута грунтом. Отметим, что над помещениями начинается участок христианского некрополя XIII – XIV вв., погребения на территории которого совершались в скальных гробницах прямоугольной формы. Связаны ли помещения Б и В с этим некрополем, а также с сооружениями воротного комплекса, остается пока не определенным.

Помещение Б (рис. 18; 23, 1). Представляет собой в плане прямоугольное помещение с плоскими потолком и полом, и вертикальными стенами. Общие размеры 5,50×3,0 м, высота 2,00 – 2,20 м. Южная стена расширяется в восточном направлении. Общая ориентация помещения по оси север-юг. Характер обработки поверхности до конца не ясен из-за многочисленных разновременных перестроек. Внутри помещения имеются многочисленные подрубки, не образующие никакой системы. Выделим лишь пять подрубок в виде колец со сквозными отверстиями, что свидетельствует об использовании помещения для скота. Можно также отметить скальную полку в восточной стене общими размерами 1,40×0,50 м и высотой 0,15 м.

Помещение В (рис. 18; 23, 2). Расположено к западу от помещения Б, на расстоянии 2,5 м. В настоящее время затянута грунтом, видна только верхняя его часть. Вероятно, поперечный профиль помещения был конхиальным. Характер обработки поверхности аналогичен помещению А и склепу №5: инструмент типа кирка, удары сверху вниз в разных направлениях, местами линии пересекают друг друга. Судя по видимой части помещения, оно было подквадратной формы в плане

с внутренними размерами 1,5×2,0 м. Его высота до уровня заполнения достигает 1,0 м. Каких-то следов подрубок на поверхности не прослеживается.

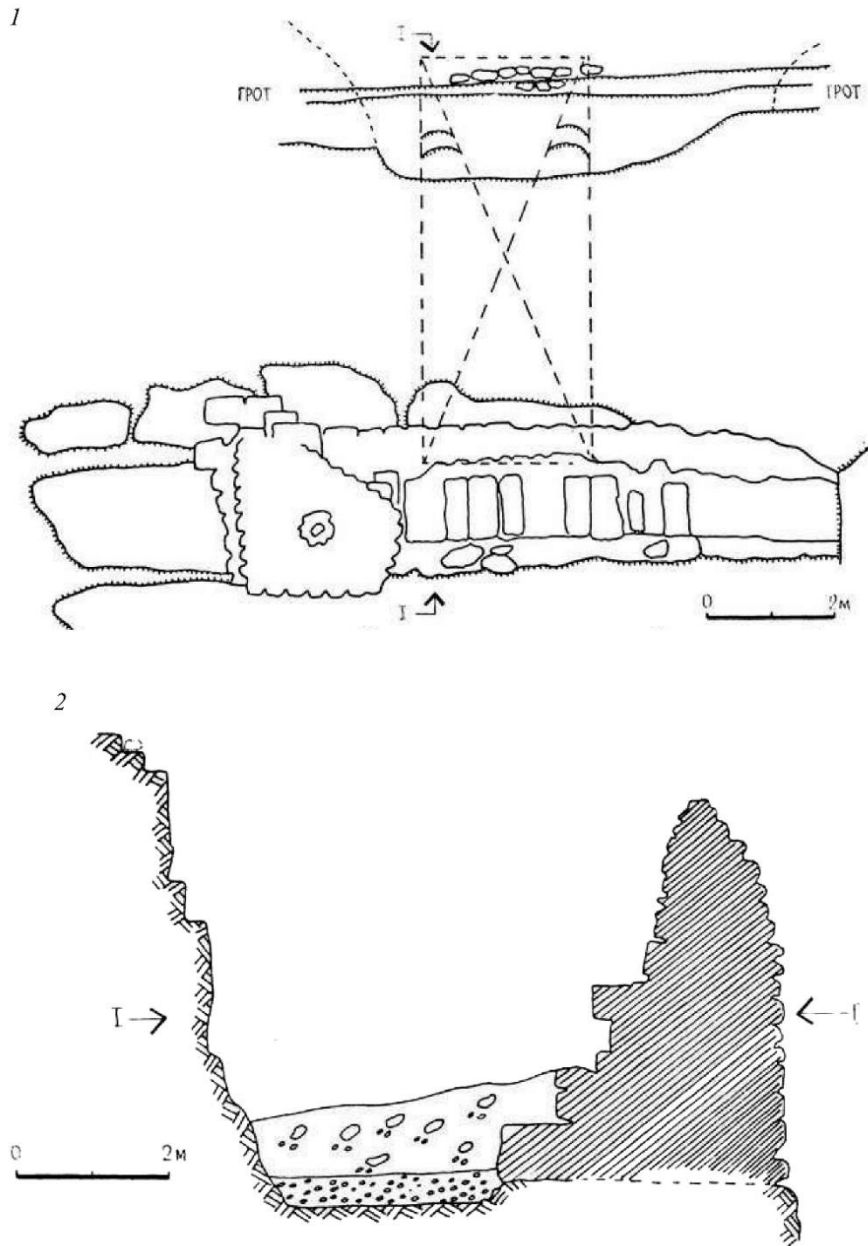

Рис. 14. Укрепление А.XVI. Главные крепостные ворота. 1. – План; 2. – Разрез [по: 14, рис. 22, 23].

1

2

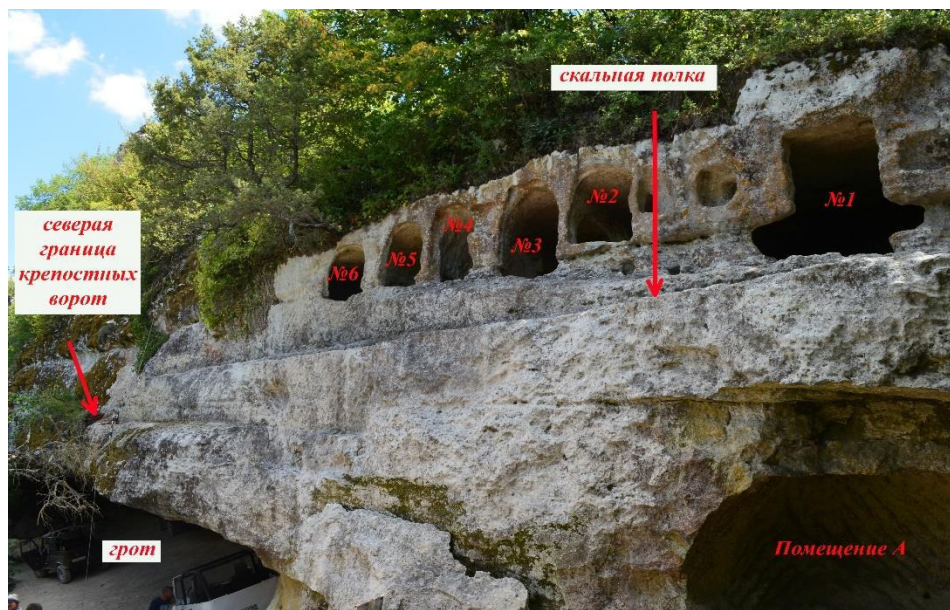
*Рис. 15. Укрепление А.XVI. 1. – Внешний фас стены; 2. – Внутренний фас стены.
Фото Д. В. Иोजицы, 2020 г.*

Рис. 16. Укрепление А.XVI. 1. – Внешний профиль стены; 2. – Остатки пилона. Фото Д. В. Иोजицы, 2020 г.

Надвратная церковь. Расположена над входными воротами в крепость. Как показали исследования, ворота имели прямоугольную в плане форму и общие размеры 7,6×5,8 м. Перекрытие было сводчатым и состояло из четырех арок. Две из них опирались на выступающие пилоны укрепления А.XVI и скальный выступ мыса Тешкли-рун. Две другие располагались перпендикулярно первым и, таким образом, в стене укрепления и скальном выступе мыса образовались глухие арочные проемы. Одну из таких перпендикулярных арок можно увидеть на литографии Ф. И. Гросса [32, с. 220–221]. Перекрытие крестовым сводом объясняет наличие выступающих пилонов в стене, один из которых сохранился *in situ*. Дело в том, что нагрузка крестового свода распределяется по направлению от центра к краям и, опираясь на угловые колонны, отрицает возможность существования стен [26, с.], что можно наблюдать на рисунке М. Б. Вебеля (рис. 5). Таким образом, при полном или частичном разрушении стены укрепления А.XVI входная башня могла продолжать функционировать.

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

1

2

Рис. 17. Главные крепостные ворота Мангупского городища. 1. – Скальные склепы в Капу-дере. 2. – Скальная подрубка в скальном выступе мыса Тешкли-бурун. Фото Д. В. Иожицы, 2020 г.

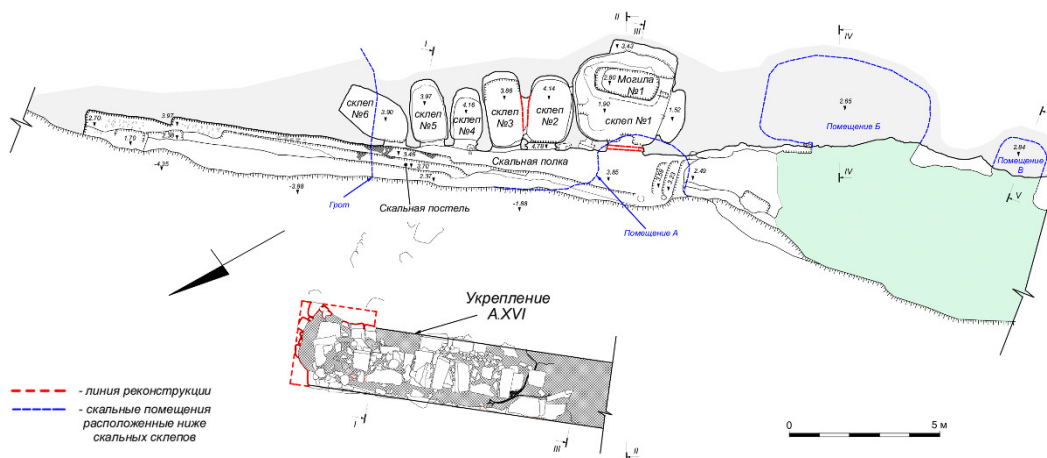

Рис. 18. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища. Общий план по результатам полевых работ 2019–2020 гг.

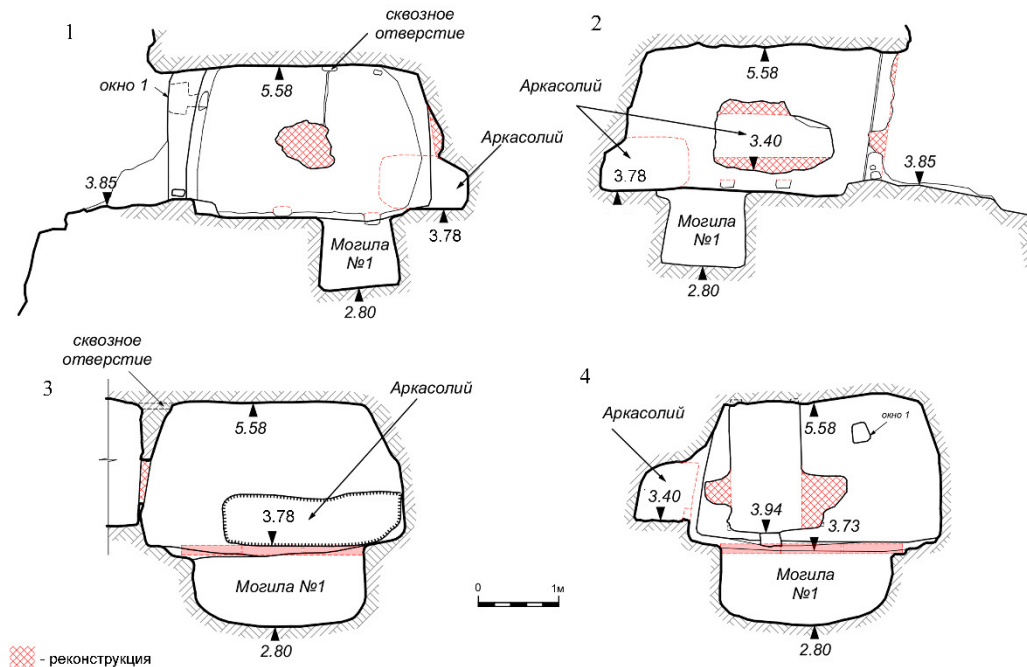

Рис. 19. Группа скальных склепов. Склеп № 1. Внутренние фасировки. 1. – Северный фас, 2. – Южный фас, 3. – Восточный фас, 4. – Западный фас.

**ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ**

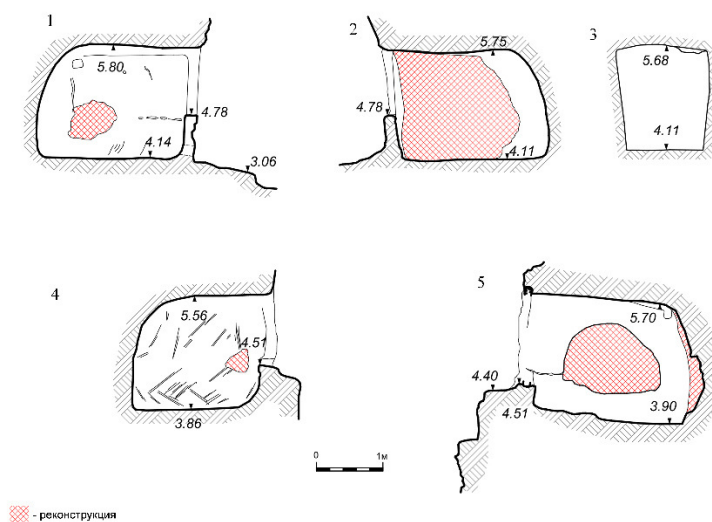

Рис. 20. Группа скальных склепов. Склеп № 2 и № 3. Внутренние фасировки. 1. – Южный фас склепа № 2, 2. – Южный фас склепа №2, 3. – Восточный фас склепа №2, 4. – Южный фас склепа № 3, 5. – Северный фас склепа № 3.

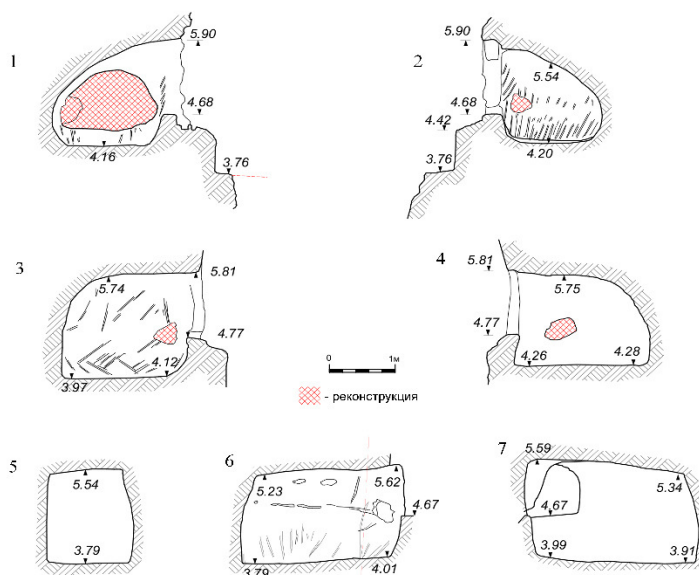

Рис. 21. Группа скальных склепов. Склеп № 4, № 5, № 6. Внутренние фасировки. 1. – Южный фас склепа № 4, 2. – Северный фас склепа №4, 3.- Южный фас склеп № 5, 4. – Северный фас, 5. – Восточный фас склепа № 6, 6. – Южный фас склепа № 6, 7 – Северный фас склепа №6.

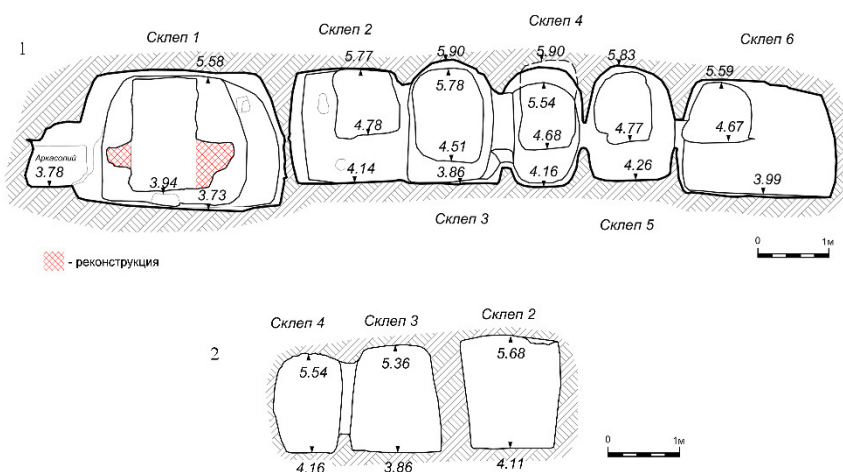

Рис. 22. Группа скальных склепов. Внутренние фасировки. Склеп №№1-6. 1. – Западные фасы склепов №1-6. 2. – Восточные фасы склепов №№2-4.

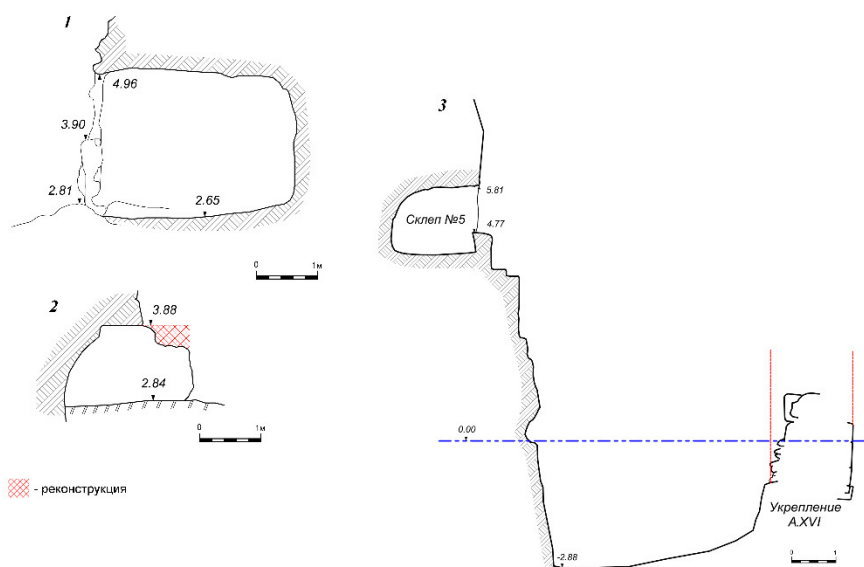

Рис. 23. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища. 1. – Скальное помещение Б, южный фас, 2 – Скальное помещение В, северный фас. 3. – Разрез I-I.

ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

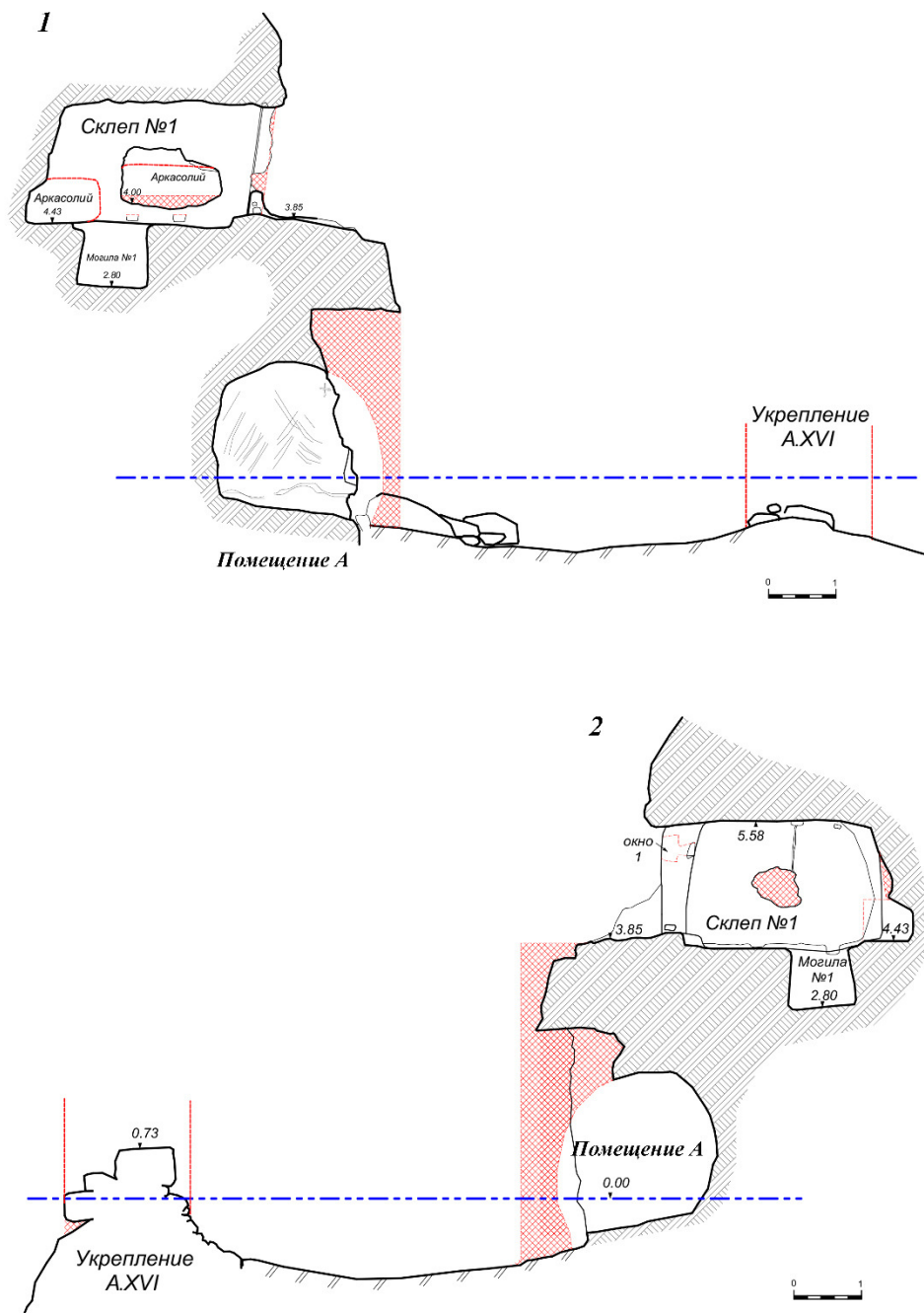

Рис. 24. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища.
1. – Разрез 2-2; 2. – Разрез 3-3.

Среди исследователей нет единого мнения о генезисе надвратного храма, как нового типа культового здания. В. П. Выголов, например, считает, что эти церкви являются одним из видов храмового зодчества Древней Руси, который представляет собой уникальное явление, свойственное только древнерусской архитектуре [11]. Это мнение поддерживают и ряд других исследователей [11; 12; 24; 1, с. 31–32]. В. П. Выголов выделяет три основных периода появления и распространения надвратных церквей: активное строительство и становление этого вида культовых сооружений приходится на XI – начало XIII вв., период упадка – вторую половину XIII – XV вв., а после начала XVI в. такие храмы украшают главные входы монастырей, придавая им большую «внушительность и «святость», выразительность и нарядность». Эта тенденция сохраняется до XVII вв. Исследователь разделяет надвратные церкви по особенности их расположения: над воротами городских стен, кремлей, крепостей, монастырей, архиерейских дворов и церквей [11].

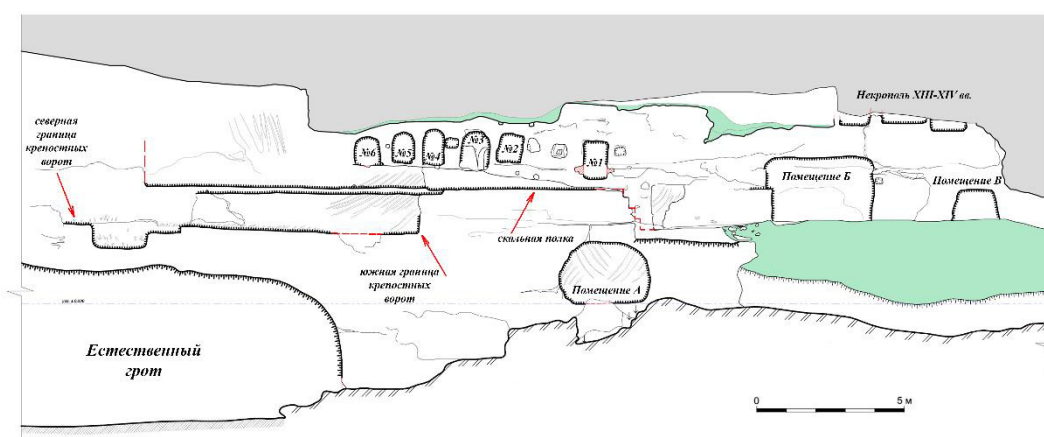

Рис. 25. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища. Главный фасад.

Вл. В. Седов считает, что надвратные церкви имели широкое распространение в византийском мире и видит символический «иерусалимский» характер таких храмов [38, с. 544–584]. Он утверждает, что надвратные храмы и часовни над воротами появились в IX в. и продолжали использоваться вплоть до XVII в. Классификация таких церковных комплексов, по Вл. В. Седову, основывается на трех критериях: их местоположение, планировочное решение и освященность [38, с. 563–570].

А. Ю. Виноградов полагает, что надвратные храмы изредка встречаются на территории Византии, хотя и не образуют здесь устойчивой архитектурной традиции [9, с. 249]. Он выстраивает генезис известных памятников, исходя из их планировки: купольная церковь и компактно вписанный крест (XI в.), вписанный

крест на четырех столпах (XII в.), купольные, но бесстолпные и квадратные в плане (конец XII в.) и зальные церкви (конец IX–XIV вв.) [9, с. 266–267].

С. С. Аванесов, дополняя Вл. В. Седова, сугубо гипотетически подразделяет надвратные церкви «с учётом всей композиции» на: храмы на городских или крепостных воротах, ворота в нижнем ярусе храма или храм–ворота с прямым и ломаным проездом, крепостные ворота с примыкающим к ним изнутри храмом, отдельно стоящие крепостные ворота и храм–ворота в единой системе, храм–колокольня с воротами.

Отметим, среди исследователей остается дискуссионным и перечень известных византийских надвратных храмов [1; 9; 36]. Совпадают мнения лишь об одном надвратном храме – балканский храм №5 в Пернике (XI – начала XII вв.). В действительности, эта церковь представляет собой двухъярусный храм–усыпальницу, на нижнем уровне которой была расположена гробница и проездная арка. Не ясно, почему рассматривается только церковь и ее планировка без гробницы под ней. На наш взгляд, это типологически не верно. Развитие двухэтажных гробниц (или двухъярусных церквей–усыпальниц, церквей–костниц, церквей–кенотафов, погребальных церквей) занимает особое место в армянской и болгарской средневековой архитектуре [20; 32;]. Примерами этому являются, армянский погребальный мемориал в Агиту (VII в.); храм Мцире Чиквани в Грузии (X в.), церковь–усыпальница Сурб Аствацацин в Егварде (не ранее 1301 г.) и Нораванке (1339 г.) и др. [33, с. 222–223]. Среди крымских памятников к этой типологической группе можно отнести «церковь 1459 г.» в крепости Фуна [23, с. 151–183].

Несмотря на дискуссию, можно выделить два варианта архитектурного решения внешнего облика надвратного храма. Принято считать, что, если церковь визуально усилена архитектурно выраженными храмовыми элементами, то такие памятники являются акцентом пространственного ансамбля «собор–ворота», что характерно для традиции древнерусских надвратных храмов. Такие храмы выполняют семиотическую функцию и литургические программы, аналогичные программам в наземных церквях [1, с. 57–61; 38, с. 547–548].

Другим вариантом архитектурного решения церкви является ее невыделенность из общего объема воротной башни. Наиболее широкое распространение такие храмы получают в монастырях на Афоне, наиболее ранние из которых относятся к XII – XIV вв. [25, с. 29–30]. Также в башнях над входными воротами существовали маленькие церкви–капеллы или часовни, по-гречески именуемые «параклисами». Стоит обратить внимание, что «параклиса» (греч. Παράκλησις) первоначально относилась только к молебальному канону [36]. В балканских славянских языках параклисом часто именуют малый храм, придел или часовню по схожести греческих слов «парекклисио» и «параклисис». Более того, достаточно часто на территориях монастырей сооружалось большое количество таких «параклис», которые имели совершенно разную архитектуру, но сохраняли за собой свою первоначальную функцию – место для усердной молитвы. Например, на территории афонских монастырей параклисы располагались в глухих и воротных

башнях, поздних пристройках к главному монастырскому храму, в виде отдельно стоящих часовен, в кельях, трапезных, лечебницах и помещениях иного назначения монастыря [25, с. 29–30].

Возвращаясь к надвратной церкви входного комплекса Мангупского городища, обратим внимание на наличие склепов-усыпальниц, в которых, судя по раскопкам Р. Х. Лёпера, производились захоронения. С учетом небольших размеров входной башни можно предположить, что Мангупская надвратная церковь могла играть роль такой «параклисы». Обратим внимание, что храм-параклиса не имеет четкой архитектурной формы и планировки, поэтому возникает вопрос о внешнем облике надвратного храма Мангуца.

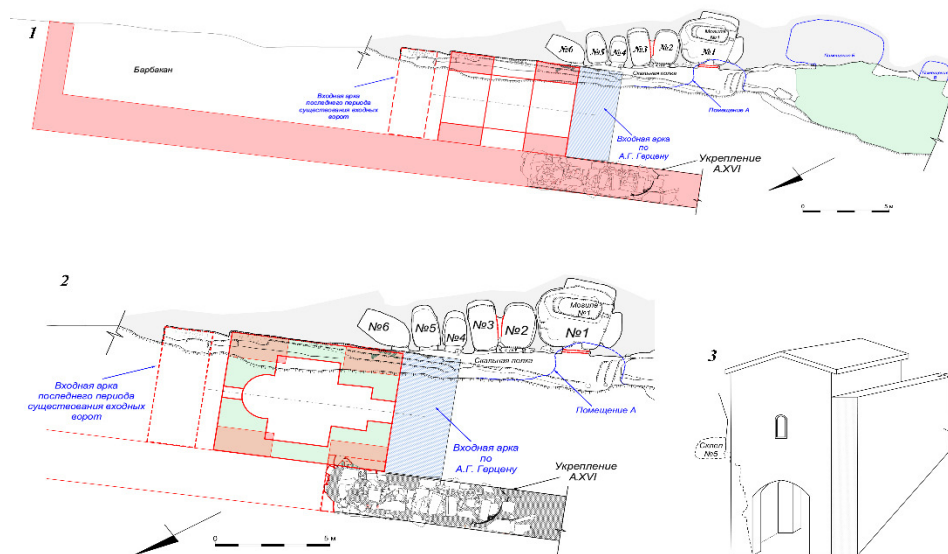

Рис. 26. Входной комплекс главных крепостных ворот Мангупского городища. 1. – План-реконструкция пилонов и арок ворот 2. – План-реконструкция надвратной церкви. 3. – Реконструкция общего вида надвратного комплекса главных крепостных ворот XIII-XIV вв.

Наиболее территориально близкой аналогией Мангупскому надвратному храму, на наш взгляд, является один из малоазийских храмов, расположенной на Южном Понте. В небольшой крепости Бузлуджа Кале (с. Джанаер), в 30 км к востоку от Трапезунта, сохранились следы от двух надвратных храмов. Весь комплекс Бузлуджа Кале представляет собой Халдский монастырь Спасителя в Сирменах, основанный отцом Иоанна Халда, дуки Халдии, в X – XII вв., по мнению Вл. В. Седова, или в конце IX в., по А. Ю. Виноградову [9, с. 254; 38, с. 551]. Сохранность надвратных храмов плохая, однако, судя по остаткам в северной башне, церковь была возведена в виде одноапсидного зального храма. Из общего

объема башни храм не был выражен. Лишь плоский выступающий карниз на внешнем фасаде башни обозначал начало ее верхнего этажа [44, р. 328–329, Fig. 115]. Одним из датирующих признаков надвратного храма южной башни являются фрагменты полов в технике *opus sectile*¹. По мнению некоторых исследователей, наиболее ранняя аналогия таких полов обнаружена в храме Панагии монастыря Осиос Лукас в Фокиде, построенном в 960–е гг. [9, с. 253–255]. Как видно из чертежей, малоазийский северный храм был внутрибашенный.

По аналогии, надвратный храм Мангупского городища представлял собой единый конструктивный объем с двускатной кровлей, его апсида не выделялась из общего объема надвратной башни (рис. 26). Отметим, что наличие такого надвратного комплекса, по всей вероятности, делала слабее оборонительную функцию надвратной башни, что предположительно послужило причиной появления нового фортификационного элемента Главных ворот крепости – барбакана.

Самым сложным и дискуссионным остается вопрос даты возведения и конца функционирования надвратной церкви. По одной из существующих версий, связанные с нею склепы–усыпальницы появились еще в период раннего средневековья. Она основана, главным образом, на анализе техники обработки стен склепов [18, с. 238, рис. 5].

В архиве ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» сохранились полевые дневники Р. Х. Лёпера, проводившего археологические исследования склепов в 1913 г. Из них видно, что работы осуществлялись только в склепах №№ 1, 5 и 6 [29, с. 297–300]². Всего было обнаружено 51 находка: в склепе №1 найдено 9, в склепе №5 – 35, в склепе №6 – 7 предметов.

В фондах ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический»³ удалось найти и идентифицировать только 9 находок из этих раскопок:

Два литых бронзовых бубенчика со сплюснутым корпусом, украшенным рифлеными поперечными полосами, с прорезями и небольшим шариком–битой внутри (М 536/13). Их высота 3,2 см, сохранность различная (рис. 27,5). Такие бубенчики имеют широкие хронологические рамки бытования, в пределах X–XV вв. [2, с. 47, рис. 7,5]. Аналогичные бубенчики найдены в склепе №6 в Лучистом (XI–XII вв.), Саркеле–Белой Веже (последняя треть X в.; вторая половина XI – начало

¹ *Opus sectile* – разновидность пластиночной или штучной мозаики, получившая развитие в Древнем Риме, где материалы вырезались и инкрустировались в стены и полы для создания рисунка или узора. Обычными материалами были мрамор, перламутр и стекло. Они разрезались на тонкие кусочки, отполировывались, а затем дополнительно обрезались в соответствии с выбранным рисунком. Эта техника была забыта с упадком Римской империи, но по-прежнему использовалась в византийских церквях, прежде всего, при настиле полов.

² Отметим, что среди полевых дневников, к большому сожалению, нет ни единой схемы нумерации склепов, ввиду этого сложно говорить об конкретном месте находки.

³ Выражаю благодарность за помощь в работе главному хранителю научно-фондового отдела ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» – Н. Л. Демиденко, и сотруднику фондов музея – Е. В. Колесник.

ХІІ вв.), Керчи (конец Х – начало ХІІ в.) и на Эски-Кермене (Х – ХІІІ вв.) [3, с. 426, рис. 20, 9].

Рис. 27. Материалы из раскопок Р. Х. Лёпера в 1913 г. 1,3 – склеп №1 (кн-525; 526); 2,4,5,6,7,8 – склеп №5 (кн-532;534;536;538;539;540); 9 – склеп №6 (кн-568)

Рис. 28. Материалы из раскопок Р. Х. Лёпера в 1913 г. 1,2 – склеп № 5 (№1808/133; 1808/134), 3. – только две бусины из склепа №5 (1808/173).

Медная (?) сферическая пуговица с петелькой для пришивания (форма петельки не сохранилась), диаметром до 0,7 см и высотой до 1,0 см (М 539/13) (рис. 27, 7).

Бронзовая полая сферическая пуговица, состоящая из двух половинок, с основанием от петельки для пришивания; степень сохранность плохая, диаметр до 1,5 см (М 538/13) (рис. 27, 6). Такие пуговицы носили в Крыму, начиная с VIII в. На могильнике на склоне Эски–Кермена они обнаружены вместе с браслетами из синего пастового стекла [3, с. 426].

Бронзовые кольца с незамкнутыми краями диаметром до 3,0 см (М 525/13; 534/13) (рис. 27, 1–2);

Медный перстень (рис. 27, 4).

Медная муфта (?) от рукояти инструмента (рис. 27, 9)

Два каменного предмета неясного назначения (М 526/13; 540/13) (рис. 27, 3,8).

Также удалось установить, что бусы и глиняный кувшинчик из раскопок Р. Х Лёпера из склепа №5 были переданы в 1914 г. на хранение в Санкт-Петербург [30, л. 4, 8; 29, л. 22]. Сейчас этот материал находится в фондах Государственного Эрмитажа (коллекция №1808 «Мангуп») (рис. 28). В коллекционной описи имеется описание двух глиняных кувшинчиков, которые ошибочно записаны как лепные.

Один из кувшинов с серо–розовым в изломе черепком имеет яйцевидное тулово, плоское дно, высокое узкое горло с ойнохоевидным венчиком. Ручка плоская с неглубоким желобком. По плечикам орнамент в виде зигзагообразных врезных линий. Размеры кувшина: диаметр 10,2 см, высота 16,1 см. (рис. 28, 1). Второй кувшин желто–розового цвета грушевидной формы с плоским широким дном и узким высоким горлом, также с ойнохоевидным венчиком. Ручка широкая плоская. Размеры: диаметр 7,5 см, высота 12,11 см (рис. 28, 2). Такие кувшины известны на памятниках Юго-Западного Крыма XIII в. [39, с. 503], хотя, скорее всего, имеют широкие хронологические рамки бытования.

Заключение. Входной комплекс Главных ворот Мангупского городища является важнейшим градостроительным узлом крепости, просуществовавшим, вероятно, вплоть до конца ее истории. Не возникает сомнений, что крепостные ворота при столь долгом функционировании нуждались в частых ремонтах и даже перестройках. Следы некоторых из них можно увидеть при осмотре сохранившегося участка стены укрепления А.XVI. Сложно сказать, какой был первоначальный облик крепостных ворот, как он менялся со временем и с чем были связаны эти перемены. Однако, как показывают их новые исследования 2019 – 2020 гг., на одном из этапов воротных комплекс включал также надвратную церковь и связанные с ней склепы-усыпальницы. С учетом сведений иеромонаха Матфея, видевшего этот храм уже разрушенным, их существование следует сейчас ограничить золотоордынским периодом истории Мангупа, то есть концом XIII – XIV вв. [34, с. 265-267].

Список использованных источников и литературы

1. Аванесов С. С. Сакральная топика русского города (7). К типологии надвратных храмов. // Визуальная теология. – 2020. – № 1. – С. 29–66.

- Avanesov S. S. Sakral'naya topika russkogo goroda (7). K tipologii nadvratnykh khramov. Vizual'naya teologiya. 2020. № 1. – P. 29–66.
2. Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски–Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. II. – С. 43–51, 236–242.
- Aibabin A. I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski–Kermen. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 1991. – Вып. II. – P. 43–51, 236–242.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски–Кермен // МАИЭТ. – 2011. – Вып. – XVII. – С. 422–457.
- Aibabin A. I., Khairedinova E. A. Pozdnesrednekovaya chasovnya na plato Eski–Kermen. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2011. – Вып. – XVII. – P. 422–457.
4. Андриевский И. С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г. – Одесса. – 1839. – С. 535–564.
- Andrievskii I. S. Razvaliny Mangupa. Odesskii al'manakh na 1840 g. – Odessa. – 1839. – S. 535–564.
5. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – 2001. – 500 с.
- Baier Kh.-F. Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro. – Ekaterinburg: Izd-vo UrGU. – 2001. – 500 s.
6. Бертье-Делагард А. Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. III. – Симферополь. – 2012. – 322 с., ил.
- Bert'e-Delagard A. L. Izbrannye trudy po istorii srednekovogo Kryma. III. – Simferopol'. – 2012. – 322 s., il.
7. Веймарн Е. В. Иллюстрации к материалам археологической экспедиции в Инкермане в 1950 г. // НА ГБУ РК БИКАМЗ Ф.3, Оп.7, Д.20, л. 21 Мангуп-Кале. Главный въезд в Крепость (вид из крепости)
- Veimarn E. V. Ilyustratsii k materialam arkheologicheskoi ekspeditsii v Inkermane v 1950 g. Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Bakhchisaraiskii istoriko-kul'turnyi i arkheologicheskii muzei-zapovednik». F.3, Op.7, D.20, L. 21 Mangup-Kale. Glavnyi v'ezd v Krepost' (vid iz kreposti).
8. Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – С. 419–429.
- Veimarn E. V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Razvedki oboronitel'nykh sten i nekropolya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 1953. № 34. Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – S. 419–429.
9. Виноградов А. Ю. Зарождение и развитие феномена надвратных храмов в византийском мире // ВВ. – Т. 102. – 2018. – С. 249–271
- Vinogradov A. Yu. Zarozhdenie i razvitie fenomena nadvratnykh khramov v vizantiiskom mire. Vizantiiskii vremennik. – T. 102. – 2018. – S. 249–271.
10. Виноградов А. Ю. Храмик над главными воротами Эски–Кермена и средневековая традиция надвратных церквей // МАИЭТ. – 2016. – Вып. XXI. – С. 174–192.
- Vinogradov A. Yu. Khramik nad glavnyimi vorotami Eski–Kermena i srednekovaya traditsiya nadvratnykh tserkvei. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2016. – Вып. XXI. – S. 174–192.
11. Выголов В. П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения). // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: столица и провинция. М. – 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/vygovlov4.htm>.
- Vygovlov V. P. Nadvratnye khramy drevnei Rusi (problemy evolyutsii i proiskhozhdeniya). Pamyatniki russkoi arkhitektury i monumental'nogo iskusstva: stolitsa i provintsiya. M. – 1994. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rusarch.ru/vygovlov4.htm>.
12. Высоцкий С. А. Золотые ворота в Киеве. Киев. – 1982. – 128 с.: ил. 20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusarch.ru/vysotsky_s1.htm.
- Vysotskii S. A. Zolotyie vorota v Kieve. Kiev. – 1982. – 128 s.: il. 20 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.rusarch.ru/vysotsky_s1.htm.

13. Герцен А. Г. Рассказ о городе Феолоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 258–282, рис. 1, 2.
 Gertsen A. G. Rasskaz o gorode Feoloro. Topograficheskie i arkheologicheskie realii v poeme ieromonakha Matfeya. Antichnaya drevnost' i srednie veka. – 2001. – Вып. 32. – С. 258–282, ris. 1, 2.
14. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – Вып. I. – С. 87–166, 242–271.
 Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 1990. – Вып. I. – С. 87–166, 242–271.
15. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея. // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 562–589.
 Gertsen A. G. Opisaniye Mangupa-Feodoro v poeme ieromonakha Matfeya. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2003. – Вып. X. – С. 562–589.
16. Герцен А. Г. Полевой дневник 1972 г. // Отчет о работах мангупского отряда в 1972 г. Научный архив ИАК РАН, Ф.1, оп. 6, Д.5.
 Gertsen A. G. Polevoi dnevniki 1972 g. Otchet o rabotakh mangupskogo otryada v 1972 g. Nauchnyi arkhiv IAK RAN, F.1, op. 6, D.5.
17. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К истории изучения пещерных церквей Мангупа: об идентификации «церкви Струкова» // ИАКр. – Вып. IV. – Симферополь. – 2016. – С. 158–175.
 Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. K istorii izucheniya peshchernykh tserkvei Mangupa: ob identifikatsii «tserkvi Strukova». Istoriya i arkheologiya Kryma. – Вып. IV. – Simferopol'. – 2016. – С. 158–175.
18. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Методика выделения ранневредневековых пещерных сооружений Горного Крыма // СА. – 1991. – № 2. – С. 232–239.
 Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. Metodika vydeleniya rannevrednevekovykh peshchernykh sooruzhenii Gornogo Kryma. Sovetskaya arkheologiya. – 1991. – № 2. – с. 232–239.
19. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV – XVII вв.): коллективная монография. М.; СПб., 2017. 272 с., ил.
 Gertsen A. G., Naumenko V. E., Shvedchikova T. Yu. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV – XVII vv.): kolektivnaya monografiya. – М.; SPb. – 2017. – 272 s., il
20. Грабарь А. Болгарские церкви-гробницы // Известия на Българския археологически институт. – София. – 1922. – Св. I. – Т. I. – с. 103–135.
 Grabar' A. Bolgarskiya tserkvi – grobnitsy. Izvestiya na B'lgarskiya arkheologicheski institut. – Sofiya. – 1922. – Sv. I. – Т. I. – с. 103–135.
21. Днепровский Н. В. Неизвестная пещерная церковь Мангупа (по материалам художника Д. М. Струкова) // Спелеология и спелестология: матер. IV Междунар. науч. заочной конф. – Набережные Челны: НИСПТР. – 2013. – С. 215–220.
 Dneprovskii N. V. Neizvestnaya peshchernaya tserkov' Mangupa (po materialam khudozhnika D.M. Strukova). Speleologiya i spelestologiya. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi zaochnoi konferentsii. Naberezhnye chelny. НИСПТР – 2013. – С. 215–220.
22. Днепровский Н. В. Новые сведения о пещерном храме в северном обрыве мыса Тешкли-Бурун на Мангупе по материалам Д. М. Струкова // Спелеология и спелестология: матер. VII Международной научной конференции. – Наб. Челны: НГПУ. – 2016. С. 148–154.
 Dneprovskii N.V. Novye svedeniya o peshchernom khrame v severnom obryve mysa Teshkli-Burun na Mangupe po materialam D.M. Strukova. Speleologiya i spelestologiya. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Naberezhnye Chelny: NGPU. – 2016. – С. 148–154.
23. Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475 гг.– Киев, 2005. – 269 с.
 Kirilko V. P. Krepostnoi ansambl' Funy 1423 – 1475 gg.– Kiev, 2005. – 269 s.
24. Комеч А. И. Архитектура конца – середины XI века. История русского искусства: В 22 т. – Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. – М., 2007. – С. 111–177.
 Komech A. I. Arkhitektura kontsa Kh – serediny KhI veka. Istoriya russkogo iskusstva: V 22 t. – Т. 1: Iskusstvo Kievskoi Rusi. IX – pervaya chetvert' XII veka. М., 2007. – С. 111–177.

**ВХОДНОЙ КОМПЛЕКС ГЛАВНЫХ КРЕПОСТНЫХ
ВОРОТ МАНГУПА. НОВЫЕ ДАННЫЕ**

25. Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. – СПб., 1902.
Kondakov N. P. Pamyatniki khristianskogo iskusstva na Afone. – SPb., 1902.
26. Кузнецов А. В. Своды, их конструкция и декор. // Проблемы архитектуры. – М., 1936.– Т. 1., кн. 2.
Kuznetsov A. V. Svody, ikh konstruksiya i dekor. Problemy arkhitektury. – M., 1936.– Т.1., кн. 2.
27. Лёпер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р. Х. Лёпера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) // ИТУАК. – 1914. – № 51. – С. 297–300.
Lepet R. Kh. Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii. Zasedanie 30 yanvarya 1914 g. (soobshchenie R.Kh. Lepeta o raskopkakh na Mangupe v 1913 g.). Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. – 1914. – № 51. – S. 297–300.
28. Лёпер Р. Х., Моисеев Л. А. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913–1915 гг.– Пг., 1918. – С. 72–84.
Lepet R.Kh., Moiseev L.A. Raskopki na Mangupe. Otchet imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1913–1915 gg.– Pg., 1918. – S. 72–84.
29. Лёпер Р. Х. Дело Херсонесского музея за 1914 г. (разная переписка).– НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 143. Л. 20–24, 31–32.
Lepet R. Kh. Delo Khersonesskogo muzeya za 1914 g. (raznaya perepiska).– Nauchno–arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya–zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 143. L. 20–24, 31–32.
30. Лёпер Р. Х. Список предметов из Мангуп-Кале, отправленных в Петроград. 1912–1913 гг.– НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 123. Л. 1–8.
Lepet R.Kh. Spisok predmetov iz Mangup–Kale, otpravlennykh v Petrograd. 1912–1913 gg. Nauchno–arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya–zapovednika «Khersones Tavricheskii» F. 1. D. 123. L. 1–8.
31. Лёпер Р. Х. Раскопки Р. Х. Лёпера на Мангупе в 1912 г.– НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2267. Л. 1–18, 13 фото.
Lepet R. Kh. Raskopki R. Kh. Lepeta na Mangupe v 1912 g. Nauchno–arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya–zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 2267. L. 1–18, 13 foto.
32. Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX века: Каталог литография из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 2006. – 260 с.
Mal'gina M. R. Vidy Kryma pervoi poloviny XIX veka: Katalog litografiya iz sobraniya Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya. Simferopol', 2006. – 260 s.
33. Мнацаканян С. С. Композиция двухъярусных мавзолеев в армянском раннесредневековом зодчестве // Историко-филологический журнал. – 1976. – № 4. – С. 213–230.
Mnatsakanyan S. S. Kompozitsiya dvukh'yarusnykh martiriumov v armyanskom rannesrednevekovom zodchestve. Istoriko–filologicheskii zhurnal. – 1976. – № 4. – S. 213–230.
34. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Иожица Д.В. Христианский Мангуп. современная источниковая база и основные этапы истории // МАИЭТ. – 2021. – Вып. XXVI. – С. 255–281.
Naumenko V.E., Gertsen A.G., Iozhitsa D.V. Khristianskii Mangup. sovremennaya istochnikovaya baza i osnovnyye etapy istorii. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2021. – Вып. XXVI. – S. 255–281.
35. Отчет о работах мангупского отряда в 1973 г.– НА ИАК РАН, Ф.1, оп. 6, Д.6.
Otchet o rabotakh mangupskogo otryada v 1973 g.– Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossiiskoi akademii nauk. F.1, op. 6, D.6.
36. Покровский Д. Словарь церковных терминов. – М., 2002.
Pokrovskii D. Slovar' tserkovnykh terminov. – M., 2002.
37. Савельева А. Н. Крым в акварелях московского художника Д.М. Струкова // Библиотекведение. – 2014. – Вып. 3. – С. 77–82.
Savel'eva A. N. Krym v akvarelyakh moskovskogo khudozhnika D.M. Strukova. Bibliotekovedenie. – 2014. – Вып. 3. – S. 77–82.
38. Седов Вл. В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. – М., 2009. – С. 544–584.

Sedov V. I. Novyi Ierusalim v nadvratnykh khramakh Vizantii i Drevnei Rusi. Novye Ierusalimy. Ierotoriya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv. – M., 2009. – S. 544–584.

39. Тесленко И. В. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // ИАКр. – Симферополь, 2014. – Вып. I. – С. 495–512, 547–560.

Teslenko I. V. Odnа iz goncharnykh traditsii Tavriki XIV–XV vv. (keramika gruppy Yugo–Zapadnogo Kryma). Istoriya i arkheologiya Kryma. – Simferopol', 2014. – Vyp. I. – S. 495–512, 547–560.

40. Гункина И. В. Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа: академическая экспедиция Е. Е. Кёлера 1821 г. // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 438–441.

Tunkina I. V. Maloizvestnye stranitsy istorii izucheniya Mangupa: akademicheskaya ekspeditsiya E. E. Kelera 1821 g. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2017. – Vyp. XXII. – S. 438–441.

41. Гункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840–х – начало 1850–х гг.) // Сб. науч. статей IV Рос. научно-исторической конф. (14–16 марта 1995 г.). СПб., 1996. – С. 213. – С. 163–181.

Tunkina I. V. A. S. Uvarov i drevnosti Yuzhnoi Rossii (konets 1840–kh – nachalo 1850–kh gg.). Sbornik nauchnykh statei IV Rossiiskoi nauchno–istoricheskoi konferentsii (14–16 marta 1995 g.). Sankt-Peterburg, 1996. – S. 163–181.

42. Шарлемань А. Виды и типы Крыма. II пол. XIX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/199/lot/37910/foo?lang=en>.

Sharleman' A. Vidy i tipy Kryma. II pol. XIX v. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/199/lot/37910/foo?lang=en>.

43. Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. – 1949. – Вып. 29. – С. 55–63.

44. Yakobson A. L. O rannesrednevekovykh krepostnykh stenakh Mangupa. Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury. – 1949. – Vyp. 29. – S. 55–63.

45. Bryer, A., and Winfield, D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1.– Washington, 1985.

46. Loosley E. The Early Christian Bema Churches of Syria Revisited // Antiquity.– L., 2001.– Vol. 75.– № 4.– P. 502–503.

47. Sears R. An illustrated description of the Russian Empire.– 2-е изд.– Нью-Йорк: Hurst & Co., 1881.– 712 с.

48. Taft R. F. Some Notes on the Bema in the East and West Syrian Traditions // OCP.– 1968.– Vol. 34.– P. 326–359.

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

ИАКр – История и археология Крыма

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА ГБУ РК БИКАМЗ – Научный архив Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»

НА ИАК РАН – Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук

НАО ГИАМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»

НГПУ – Набережночелнинский государственный педагогический институт

НИСПТР – Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов

ОАК – Отчет императорской Археологической комиссии

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

СА – Советская археология
ФБГУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический» – Федеральный государственный бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»»
ОСР – *Orientalia Chistiana Periodica*

Jozhitsa D.V. Entrance complex of the main fortress gate of Mangup. New data.

The Mangup settlement is the largest medieval fortress from the group of «cave cities» of the South-Western Crimea. The main gate of the fortress is located in the upper reaches of the Kapu-dere beam, where the medieval road from the Almalyk-dere beam led, bypassing cape Teshkli-buron. The work comprehensively considers written, cartographic and artistic sources, which depict the fortress entrance tower. New results of field works in 2019–2020 were presented. With the use of modern methods, it was possible to fix rock grooves that allow you to reconstruct not only the overall dimensions of the gate tower, but also the structure of its ceiling. Generalizing conclusions were made about the gate church of Mangup. The archaeological collection of R. H. Leper from excavations of rock crypts associated with the temple is first published.

Keywords: South-Western Crimea, Taurica, Mangup, main fortress gate, gate church, rock crypts, vima, F. I. Gross, M. B. Webel, R. H. Leper.